

ПИСЬМА К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА К Е. М. ФЕОКТИСТОВУ

Вступительная статья Б. Горева
Публикация и комментарии И. Айзенштока

ПОБЕДОНОСЦЕВ И ЦЕНзуРА

Письма Победоносцева к начальнику Главного Управления по делам печати Феокистову являются красочным дополнением и завершением той публикации переписки Победоносцева, которая вышла лет 10—12 тому назад («Письма к Александру III», в 2-х томах, и «Письма и записки», в 2-х полутомках). Если первая из этих публикаций, по словам автора предисловия М. Н. Покровского, представляет собою «незаменимый источник для истории внутренней политики России 80-х годов» (эта характеристика целиком относится и к собранию писем, адресованных Победоносцеву), то публикуемые ныне письма дают яркую характеристику положения печати в эту эпоху. Е. М. Феокистов назначен был начальником Главного Управления по делам печати 1 января 1883 г. и ушел с этого поста в начале 1896 г., за два года до своей смерти. И вот письма Победоносцева охватывают весь этот период. Главное Управление по делам печати по закону 1865 г. было подчинено министру внутренних дел и являлось руководящим органом в деле надзора за печатью и в карательной политике цензурного ведомства. Тотчас после назначения Д. Толстого министром внутренних дел (в 1882 г.) были по его инициативе изданы новые драконовские законы о печати, согласно которым, между прочим, закрытие периодического органа навсегда санкционировалось совещанием трех министров—внутренних дел, юстиции, просвещения и обер-прокурора «святейшего» синода, т. е. самого Победоносцева. Таким образом непосредственным начальником Феокистова вплоть до 1889 г., т. е. до своей смерти, был такой столп монархической реакции, как граф Д. Толстой, одновременно министр внутренних дел, шеф жандармов и... президент Академии Наук, прославившийся как мракобес еще в бытность свою министром народного просвещения. С другой стороны, сам Феокистов являлся оголтелым реакционером и злейшим врагом не только демократической, но и умеренно либеральной литературы. И все же Победоносцев в деле борьбы с печатью не удовлетворялся ни таким министром, ни таким начальником Главного Управления и самолично следил за печатью.

Победоносцев представлял собою во многих отношениях любопытную и колоритную фигуру. Несомненно умный и образованный, он несомненно значительно превосходил другого столпа реакции, «советника монархов» М. Н. Каткова. При этом личная близость к царю, бывшему его учеником в течение целого ряда лет до вступления на престол, делала Победоносцева не только как обер-прокурора синода, но и как энергичного и властного реакционера самой выдающейся фигурой самодержавной реакции. Коньком его была религия. Этот конек он использовал не только в своем влиянии на царя, но и в привлечении к себе всех мракобесов и изуверов, а иногда также наивных людей, веривших в его искреннюю религиозность. Между тем, как правильно заметил М. Н. Покровский в указанном выше предисловии, «Победоносцев был представителем того политического православия, которое в XVII в. сожгло в срубе Аввакума, в XVIII гнило в турь-

мах архиереев, имевших наивность думать, что церковь имеет какое-то «самостоятельное» существование, а в конце XIX мелкой травлей травило Владимира Соловьева — единственного «православного», которого молодежь не считает «жуликом».

В качестве умного и тонкого льстеца, умевшего использовать ханжество Александра III, не прибегая к внешнему холопству и низкопоклонничеству, Победоносцев, по словам Покровского, «был законченный и, вероятно, самый сильный в России того времени придворный дипломат».

Ненависть, которую он вызывал в среде демократической интеллигенции, сказалась в следующей эпиграмме начала 80-х годов, ходившей по рукам и перепечатанной тогда же в «Вестнике Народной Воли»:

Победоносцев для синода,
Обедоносцев при дворе,
Он бедоносцев для народа,
Доносцев просто — при царе.

В качестве «Доносцева» Победоносцев получал множество писем от ревнителей православия и самодержавия. Но иногда в его переписке попадаются письма из другого лагеря, с яркой характеристикой как самого Победоносцева, так и всего режима. В этом отношении особенно любопытно анонимное письмо, с иронической подписью «Ваш должник», полученное Победоносцевым в начале 1887 г., вскоре после смерти Каткова¹. По словам автора этого письма, «все видные государственные деятели имеют в нашем обществе... и врагов, и друзей. Д. А. Толстой имеет защитников в представителях дворянской партии, за покойного Каткова тоже раздавались голоса, хотя и не так много, как можно думать. Но у вас нет друзей (искренних по крайней мере) ни в одном лагере, ни в одном сословии, ни в одной общественной группе. Вам льстят, вас ненавидят. Дворянство ненавидит вас, как дьяконского внука, стремящегося передать духовенству оставшееся за дворянством право руководства народной школой, в лице предводителей, как председателей училищных советов... Бюрократия средней руки тоже недовольна вами за предпочтение, которое вы оказываете духовенству. Она высказывает убеждение, что духовные учебные заведения, больше всех других, доставляют атеистов, нигилистов и динамитчиков». С другой стороны, продолжает автор, «духовенство проклинает вас за учреждение дьяконов, отнявших у причта значительную часть доходов, за необходимость давать взятки «отцам-наблюдателям за церковно-приходскими школами из боязни доносов о школах, существующих только на бумаге». Духовенство будто бы «уже успело сообщить о вас простому народу, когда, вследствие назначения дьяконов и устройства дуптых церковно-приходских школ, увеличило, а в некоторых местах удвоило плату за требы. Мне не раз приходилось слышать от крестьян вашу фамилию с горькими жалобами, что будто бы вы увеличили «такцию» за духовные требы, причем прибавляли, что это сообщил им батюшка». Письмо заканчивается следующим, явно издевательским аккордом, обнаруживающим в авторе человека с историческими знаниями: «Кто пустил этот шепель, невозможный слух, но он распространяется в Москве и провинции все дальше и дальше. Подозревают, будто вы намеренно придумываете меры, раздражающие то одну, то другую из общественных групп, будто вы намеренно подражаете герцогу Альбе², чтобы скорее вызвать революцию, что будто бы с этой целью вами продиктованы последние распоряжения по учебному ведомству, возмутившие почти всех, что будто бы вы душите легальную прессу, чтобы тем сильнее распространялась нелегальная пресса, сделавшаяся теперь достоянием каждого грамотного семейства, проникшая в такие дебри, где пять лет назад и не подозревали о ее существовании»³.

Другой корреспондент, на этот раз уже не анонимный, а знакомый Победоносцева, бывавший у него на квартире, товарищ обер-прокурора во 2-м департаменте сената Н. А. Хвостов дает яркую характеристику режима дикой полицейской диктатуры в Петербурге при градоначальнике Грессере, в частности, изле-

вательства над студентами, и вместе с тем характеризует ближайших сподвижников Победоносцева. «Уже давно,—пишет автор,—ясно было нам, как божий день, что Толстой с Катковым ведут к гибели». Он приводит слова из письма своего отца, «бывшего предводителя и затем посредника первых времен освобождения»: «до сих пор Толстого проклинали дети и их родители [когда он был министром нар. просвещения. — Б. Г.], теперь его прокликает вся Россия». Тогдашний министр нар. просв. Делянов боится Толстого и Каткова «даже больше всякой бомбы». Заканчивая свое письмо, Хвостов оправдывается тем, что «у нас нет свободы печати, эти продажные твари, называемые газетами, печатают только то, что подходит под их узкие доктрины и притом понравится Феоктистову»⁴.

Что касается Феоктистова, которого Щедрин в своих письмах называл «холопом Каткова»⁵, то он, как видно из публикуемой переписки, еще в большей мере был холопом Победоносцева, хотя по своему служебному положению он подчинен был Толстому.

Победоносцев вел борьбу не только с демократической и радикальной печатью. Даже Каткова, в течение четверти века являвшегося главным публицистом дворянско-монархической реакции и потому зазнавшегося, приходилось иногда осаживать, для чего Победоносцев вступал в дипломатическую переписку с царем. Особенно же не любил он пресловутого князя Мещерского, редактора «Гражданина». Победоносцев пытался неоднократно дискредитировать Мещерского перед царем, но это ему более или менее удалось лишь при вступлении на престол Николая II.

Впрочем, как видно из публикуемой переписки, даже московский генерал-губернатор Долгорукий оказывался слишком либеральным для Победоносцева. Он обвинял его и его канцелярию в потворстве московским раскольникам и сектантам, а также евреям, заявляя, что при Долгоруком «жиды одолели Москву». Но его желание очистить Москву от евреев полностью осуществилось только тогда, когда в 1891 г. Долгорукого на посту московского генерал-губернатора заменил «великий князь» Сергей Александрович, предпринявший грандиозное изгнание евреев из «первопрестольной» столицы.

При всем цензурном терроре, который был установлен соединенными усилиями Победоносцева и Феоктистова, они все же чувствовали себя иногда стесненными даже тем свирепым законодательством о печати, которое имело к их услугам. Недаром Победоносцев в одном из писем с горькой иронией ссылается на то, что «у нас так называемая свобода печати». Во всех случаях, когда те или иные произведения печати давали к этому малейший повод (философские трактаты, упоминание религиозных тем и т. п.), Победоносцев переносил вопрос в духовную цензуру, т. е. цензуру совершенно подчиненных ему архиереев и попов, и это означало тихое погребение книги. Боролся Победоносцев и со всякими неугодными проявлениями в печати борьбы за автономию православной церкви от синодских чиновников. В этом отношении особенно характерны инциденты, возникавшие в Грузии, где назначившиеся Победоносцевым «экзархи» всячески преследовали национальную грузинскую церковь, что отмечалось иногда в корреспонденциях столичной печати. Чрезвычайно беспокоили также Победоносцева признаки национального движения на Украине, так называемая «украинофильская пропаганда», к которой, введенный в заблуждение своими невежественными агентами, он даже приписал Плеханова и Аксельрода.

Большим камнем преткновения для Победоносцева являлся в эту эпоху Лев Толстой, который, при всех своих «сумасбродствах», был опасен еще и тем, что стоял тоже на религиозной почве. Сколько возни доставила Победоносцеву драма Толстого «Власть тьмы», которая имела несчастье понравиться Александру III, что дало повод дирекции «императорских» театров поднять вопрос о постановке ее на сцене. Бился он и над «Крейцеровой сонатой», не зная, как быть с разрешением ее печатать. Но больше всего огорчений доставлял Победоносцеву неумолимый процесс капиталистического развития России, которому он отчасти сам же содействовал своим покровительством созданию «добровольного флота»⁶. Вся

крепостническая политика самодержавия, вдохновляемая главным образом Победоносцевым, покровительство церковноприходским школам и намерение отдалить все начальное образование в руки духовенства, подготовка и осуществление (уже при министре внутренних дел И. Н. Дурново) в 1889 г. института земских начальников — все это не могло остановить неизбежных последствий развивавшегося капитализма.

По словам Ленина, в эту эпоху «самодержавие вело линию Каткова и Победоносцева, стараясь представить себя в глазах народных масс стоящим «над классами», охраняющим интересы широкой массы крестьян, оберегающим их от обезземеления и разорения. Разумеется, эта лицемерная «забота» о мужике на деле прикрывала чисто крепостническую политику, которую названные «деятели» старой, дореволюционной России проводили во всех областях общественной и государственной жизни»⁷.

Но страшный голод 1891—1892 гг. в корне разрушил эту крепостническую идиллию. А еще раньше поднялась грозная волна рабочих забастовок. Гулким эхом прокатилась по всей России весть о морозовской стачке в январе 1885 г. По поводу суда над стачечниками, происходившего в мае 1886 г., Катков разразился в № 146 «Московских Ведомостей» от 29 мая своей знаменитой статьей «Судебный салют рабочему вопросу» (по случаю оправдания обвиняемых судом присяжных по всем 101-му пункту обвинительного акта). Само собою понятно, Катков считает эту забастовку искусственно вызванной подстрекателями, при чем особенно его возмущает то, что забастовщиков и участников беспорядков судили гласным судом и что их оправдали. В этом он видит грозный симптом, напоминающий ему оправдание Веры Засулич в 1878 г.

И вот Победоносец немедленно откликается на первые сведения о морозовской стачке. «Почва горяча, — пишет он, — а дураков много». Поэтому он советует Феокистову внимательно следить за всеми высказываниями печати по поводу этой стачки. Мало того, наше рабочее движение заставляет его особенно настороженно относиться к переводам тех произведений европейской литературы, где фигурирует рабочий класс и рабочее движение. В письме от 12 апреля 1885 г. он приводит выдержку из письма к нему С. А. Рачинского по поводу нового романа Золя «Жерминаль»: «Эта книга заслуживает внимания. Перевод ее на русский язык нужно безусловно запретить. Знаете ли вы, что романы Золя переводятся на перерыв нашими толстыми журналами и с жадностью читаются сельским духовенством и фабричным людом?» Любопытно отметить, что здесь непосредственно опекаемое Победоносцевым сельское духовенство, этот оплот самодержавия и православия в массах, ставится на одну доску с «фабричным людом». С своей стороны Победоносец добавляет: «Это — история стачки, совершенно сходная с теми, которые на наших глазах разыгрываются на наших фабриках. Написано это грязью и кровью и пропитано убеждением в близости и законности всемирной социальной революции»⁸. Очевидно, стачки 80-х годов так напугали Победоносцева, что он готов видеть в буржуазном демократе Золя апостола «всемирной социальной революции».

Неудивительно также, что «Капитал» Маркса, второй том которого вышел на русском языке в 1885 г., является в глазах Победоносцева «одной из самых заигрывательных книг».

Если для Каткова опасным симптомом начинавшейся борьбы против реакционно-крепостнической политики 80-х годов явилась не столько сама морозовская стачка, сколько оправдание ее участников присяжными, то студенческие волнения 1887 г., начавшиеся в Московском университете, где студент дал пощечину инспектору Брызгалову (повторяя жест Подбельского в 1881 г.), и перекинувшиеся на целый ряд университетских городов, снова выдвинули перед Победоносцевым проблему интеллигентной молодежи. Вот почему его уже тревожит не только Толстой и Золя, но и Ибсен, против постановки которого на сцене он предлагает принять решительные меры. Для него становится ясным, что публичное ренегатство Тихомирова, вернувшегося в Россию и ставшего одним из ярких поклонни-

ков Победоносцева, не знаменует еще сплошного ренегатства и возвращения в лоно монархической реакции всей буржуазной интеллигенции. Мало того, во внешней политике царская Россия вынуждена идти на союз с буржуазно-республиканской Францией в целях получения капиталов, между прочим, для оплодотворения российской промышленности. И эта республиканская Франция показывает свою политическую «зрелость», т. е. угодливость перед царизмом, той готовностью, с какой в 1890 г. арестована в Париже группа террористов с динамитной мастерской, организованной при содействии русского провокатора Гардингга-Ландезена⁹. Чем ближе к концу публикуемой переписки, тем больше чувствует себя Победоносцев бессильным перед неизбежными последствиями развивающегося капитализма, что сказывается и в ослаблении цензурного гнета. Характерно при этом поведение Феоктистова. На смену Д. А. Толстому идет П. П. Дурново, а за ним, вскоре после начала нового царствования — Горемыкин. Горемыкин пользовался даже раньше репутацией «либерального» бюрократа. После прихода его к власти эта иллюзия очень скоро рассеялась, что было отмечено в известной эпитаграмме:

Ах, не верь пустой надежде,
Обольщениям не верь!
Горе мыкали мы прежде,
Горе мыкаем теперь.

Но все же Феоктистов, все время стараясь угодить Победоносцеву, начинает чувствовать, что времена меняются, что цензурные методы 80-х годов начинают противоречить новой обстановке, начинают встречать отпор со стороны представителей печати. Поэтому его тактика становится поневоле более мягкой. В этом отношении большой интерес представляет инцидент с помещением в февральской книжке журнала «Наблюдатель» за 1895 г. двух статей — Чуйко «Современный анархизм и его теоретики» и Трачевского «Новые умственные течения в Германии». Первая статья, в виду критического отношения автора к излагаемым им анархическим теориям, признана безвредной. Что же касается статьи Трачевского, которая «проникнута сочувствием социал-демократическому движению» и противопоставляет подлинный социализм социализму государственному, который «предлагает полумеры лишь из страха пред истинным социализмом», то эта статья и Победоносцевым и Феоктистовым считалась совершенно недопустимой. Но так как редактор «Наблюдателя» Пятковский категорически отказался исключить из книжки эту статью, пришлось ограничиться только предостережением журналу.

Переписка охватывает период от начала 1883 г., когда у царя исчез страх перед разгромленной «Народной Волей» и он решил, наконец, короноваться, и до первых выступлений Ленина на исторической арене, до кануна знаменитой стачки питерских текстильщиков 1896 г. Этот переходный период представляет большой интерес, и поэтому отражение его в переписке таких столпов реакционно-крепостнической монархии и ханжеского православия, как Победоносцев и Феоктистов, несомненно заслуживает внимания историков вообще и историков литературы в особенности.

Б. Горев

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки». Т. I, полутом 2-й, стр. 779—781.

² Герцог Альба — наместник Филиппа II Испанского в Нидерландах.

³ Это, конечно, — явное и сознательное преувеличение.

⁴ «К. П. Победоносцев и его корреспонденты». Полутом 2-й, стр. 739—744.

⁵ Салтыков-Щедрин, Неизданные письма, стр. 212.

⁶ См. многочисленные письма по этому поводу Победоносцева к Александру III.

⁷ Ленин, Соч., т. XVI, стр. 449.

⁸ Разрядка везде — в тексте письма.

⁹ Об этих арестах упоминает Победоносцев в связи с поручением директора департамента полиции П. П. Дурново Тихомирову написать брошюру о парижских бомбистах.

ПИСЬМА К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА К Е. М. ФЕОКТИСТОВУ

1

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Желаю вам сердечно на новый год лета благоприятного.

Я говорил сегодня вскользь во дворце гр. [Д. А.] Толстому о «Русск[ом] курьере» и о статье «Моск[овских] вед[омостей]», но он, повидимому, еще не знает об этом или не обратил внимания. Но мне представляется это важным. Если до того дошло, что русская газета в Москве становится на сторону Польши в великом историческом вопросе и косвенно как бы оправдывает польский мятеж — это опасное дело. Познанские и краковские газеты будут ссылаться на такие статьи, как на голос обществ[енного] мнения, — и положение нашей дипломатии может осложниться.

А притом дураков у нас непочатый угол — и другие газеты могут запеть на голос «Курьера». Необходимо пресечь зло в самом начале, чтобы хуже не было.

«Курьер» достаточно уже выказал себя. Зачем церемониться с этой мерзостью. Я того мнения, что следовало бы немедленно вовсе закрыть эту лавочку. Уверен, что [И. Д.] Делянов того же мнения.

Сегодня в «Моск[овских] вед[омостях]» статейка о судебном деле. То же не к «Курьеру» ли относится?

Душев[но] пред[анный]

К. Победоносцев

1 янв[аря] 1883

«Русский курьер» — ежедневная газета политическая, общественная и литературная — издавался в 1879—1889 г. в Москве Н. П. Ланиным, известным владельцем завода искусственных минеральных вод. В. А. Гиляровский, вспоминая о московской прессе 80-х годов, называет «Русский курьер» — газетой чистой и самой либеральной» («Былое» 1925, № 6—34, стр. 122), но скупной. Умеренный либерализм «Русского курьера» и политическая оппозиционность газеты (также весьма умеренного свойства) уже с самых первых лет ее существования привлекали к себе пристальное внимание Победоносцева и гр. Д. А. Толстого. Так, например, 12 декабря 1882 г., отвечая, повидимому, на упреки Победоносцева в том, что цензура пропускает «в полном смысле слова возмутительные статьи в «Голосе» и «Русском курьере», гр. Толстой возражал, что «почти вся наша пресса отвратительна, многие газеты желательно было бы прекратить, но не благоразумнее ли действовать потише, постепенно». И дальше: «Конечно, ни за «Курьера», ни за «Русскую мысль» стоять я не буду; меня смущает только мысль, что другие газеты, почти одинаково дрянные, будут продолжать существовать; справедливо ли это будет? Например, по моему мнению, «Русские ведомости» никак не лучше «Курьера»» («К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, 1. М. 1923, стр. 265). Публикуемое письмо Победоносцева к Феоктистову продолжает, по существу, ту же полемику, подкрепляя ее новыми «доказательствами» политических провинностей «Русского курьера».

Несомненно, под влиянием Победоносцева газета в 1883 г., вслед за приостановкой ее на три месяца (в конце 1882 г.), получила предупреждение за «вредное направление, выражающееся в суждениях о существующем государственном строе и в подборе и неверном освещении фактов о быте крестьян; направлением это рассчитано на то, чтобы возбудить смуту в умах» (Вл. Розенберг и В. Якушкин, «Русская печать и цензура в прошлом и настоящем». М. 1905, стр. 243). При всем том «Русский курьер» продержался, как сказано, до 1889 г., прекратившись после временной приостановки по распоряжению цензурных органов.

2

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

От внимания вашего конечно не укрылась сегодняшняя телеграмма в «Голосе» из Москвы, что в «Московском телеграфе» появится новый «философский труд» графа Л. Н. Толстого.

Эти философские труды полоумного гр. Толстого известно к чему клонятся. Посему не лишним почитаю обратить ваше внимание на означенное заявление.

Душевно пред[анный]

К. Победоносцев

10 янв[аря] 1883

Победоносцев имеет в виду следующую телеграмму «от специального корреспондента», напечатанную в «Голосе» 1883, № 10 (10 января): «Новый философский труд графа Льва Толстого появится в газете «Московский телеграф». Очевидно, предполагалось поместить в московской газете отдельные отрывки из сочинения «В чем моя вера?», над которым тогда работал Л. Н. Толстой; предположение это осталось неосуществленным, как в силу одиозности философско-религиозных писаний Толстого, так и по либерально-оппозиционному отношению к правительству «Московского телеграфа» (1881—1883), которое вызывало сильную ненависть к газете реакционно-бюрократических кругов, в особенности после неосуществившейся попытки купить газету. 7 ноября 1882 г. Д. А. Толстой, в письме к Победоносцеву, говорил, что «не только невозможно, но и совершенно неудобно» писать в частном письме об условиях, на которых разрешен (после запрещения) «Московский телеграф»; на эти условия многозначительно намекает следующая фраза письма: «Есть основание думать, что он [т. е. «Московский телеграф». — И. А.] изменит свое направление, если же нет, то сместовать ему недолго» («К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, 1. М. 1923, стр. 264). Так как направление «Телеграфа» осталось без изменения, то в письме Д. А. Толстого 15 декабря 1882 г. сообщается, что «Телеграфу» запрещена розничная продажа, что для него почти равносильно уничтожению» (там же, стр. 265; срв. еще донос на «Московский телеграф», там же, стр. 369—374). После ряда последовательных предостережений и прочих кар цензурных, «Московский телеграф» был в 1883 же году прекращен за крайне вредное направление, действующее на дурные страсти общества и возбуждающее неуважение и недоверие к правительству» (Вл. Розенберг и В. Якушкин, «Русская печать и цензура в прошлом и настоящем». М. 1905, стр. 236).

3

Я уже давно убеждаю графа Д. А. Толстого, что необходимо взять под духовную цензуру две эти газеты: «Восток» и «Церковно-обществ[енный] вестник».

Обе они, пользуясь свободой, в разном смысле и с разных точек зрения, положительно приносят вред церкви и вносят соблазн по церковным делам и в общество и в духовенство. «Восток», нелепо и с желчью, ревнуя о церкви, позволяет себе невозможные выходы против церковного правительства. Посмотрите, что он пишет в прилагаемом №.

И не любопытно ли! «Голос», который требует совершенного подчинения церкви государству, спешит выписывать эту статью, требующую всяческого отделения церкви и самостоятельности церковного управления. Нравится «Голосу», потому что тут ругательства на существующий порядок.

К. Победоносцев

2 февр[аля] [18]83

Заметка, напечатанная в «Голосе» (1883, № 2), была заострена против установленных и поддерживаемых Победоносцевым синодских порядков и церковного управления в России вообще. Однако намеки на сознательную неблагонадежность «Голоса» (1863—1884) должны приниматься весьма условно: в действительности «Голос» был весьма умеренно-либеральной газетой; оппозиционность ее была направлена почти исключительно против Победоносцева и гр. Толстого, проявлялась главным образом в критике их действий и мероприятий. Как пишет в своих воспоминаниях Феокистов, Д. А. Толстой «о газете «Голос» не мог... говорить спокойно (еще не далее, как при Лорис-Меликове открыла она у себя публичную подписку в пользу прежних его крепостных крестьян, будто бы притесняемых им), но ему все казалось, что «Голос» служит органом какой-то чрезвычайно сильной партии, и что если нанести ему удар, то чуть ли не произойдет бунт» («Воспоминания. За кулисами политики и литературы», Л. 1929, стр. 241).

4

Достопочтеннейший Евгений Михайлович,

Пора бы уже приняться за «Московский телеграф». От гр. [Д. А.] Толстого я слышал, что будет на первой неделе. А вот и вторая кончается.

Видели ли вы это известие? Если подлинно «Рус[ские] вед[омости]» слились с «Курьером», то полезно было бы сначала закрепить это обстоятельство, а потом с одного раза покончить с обоими.

Душевно пред[анный]

К. Победоносцев

12 марта 1883

К письму приложена следующая газетная вырезка:

«Московская жизнь».

(Ворона с места, кукушка на место). Г. Ланин объявил, что подписчикам, получавшим «Русские ведомости», будет высылаться с 17 марта сего года «Русский курьер». Из этого следует, что «Русские ведомости» с 17 марта прекращают свое существование, а вместо их подписчики «Русских ведомостей» будут получать Ланинский «Курьер». Что сей сон означает?

Феоктистов дал на сделанные ему запросы быстрые и точные ответы в письме 13 марта 1883 г.:

Милостивый государь Константин Петрович!

Считаю долгом довести до сведения Вашего превосходительства, что в настоящее время составляется записка о «Московском телеграфе». Послезавтра она будет послана к графу Д. А. Толстому, который, на основании ее, и возбудит вопрос об означенной газете, в совещании гг. министров.

Что касается приобретения Ланиным «Русских ведомостей», то я слышал об этом еще в Москве от Пастухова, издателя «Московского листка». Но никто другой не знал ничего подобного. У нас нет об этом никаких сведений. Во вчерашнем № «Русских ведомостей» помещено объявление, что подписка на эту газету продолжается, а наряду с ним находится объявление и о подписке на «Русский курьер». Все это заставляет меня сомневаться в верности слуха о слиянии двух газет. Впрочем, я обратился к председателю московского цензурного комитета с просьбой разъяснить это дело.

Примите уверение в искреннем уважении и глубокой преданности, с которыми имею честь быть

Вашего превосходительства покорнейший слуга

Е. Феоктистов

13 марта 1883 года.

(«К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, 1. М. 1923, стр. 332).

Газета «Московский телеграф» действительно была вскоре прекращена постановлением четырех министров за «крайне вредное направление, действующее на дурные страсти общества и возбуждающее неуважение и недоверие к правительству» (Вл. Розенберг и В. Якушкин. «Русская печать и цензура в прошлом и настоящем». М. 1905, стр. 236).

5

Достопочтеннейший Евгений Михайлович,

В последний раз мы говорили с вами о субсидии Галицким русским газетам и о способе доставления и распределения сих денег. Не знаю, переведены ли уже они в Вену о. [М. Ф.] Раевскому; но на всякий случай спешу вас предупредить, что я сам намерен ехать за границу около 12 августа и располагаю быть на один день в Вене, во второй половине этого месяца. В Варшаве тоже располагаю быть.

Душевно предан[ный]

К. Победоносцев

5 авг[уста] 1883

Как я сожалею, что нашего почтенного И. В. Гурко никто не удержал говорить речи!

Как не понять, кажется, что теперь благонамеренным людям надо непременно молчать и непременно действовать!

Внешняя политика императорской России в 60—80 гг., как известно, была направлена к поддержанию авторитета России как «покровительницы всех славян». Для вящего подкрепления этой политики широко использовались всевозможные средства, в том числе подкуп печати, особенно так называемой руссофильской (или москвофильской) в Галиции. Подкуп этот шел главным образом по линии поддержания и разжигания религиозных распрей между православным и католическим населением Галичины, Буковины и Закарпатской Руси, а также обращения в православие униатов. Виднейшим правительственным агентом по этой части был священник русского посольства в Вене, Михаил Федорович Раевский, упоминаемый и в письме Победоносцева. Последний очень интересовался поддержкой «галицких русских газет» и не раз активно вмешивался в правительственные распоряжения и предположения по этой части. Так, еще 21 ноября 1881 г. в письме к гр. Н. П. Игнатьеву он возмущался тем, что цензура разрешила к выписке журналы «самого крайнего украинофильского направления» и, наоборот, не включила в свои списки «новые, превосходные, умные, чисто русские журналы: «Пролом», «Русская рада», «Наука». «Я знаком со всею этой литературою, — продолжал Победоносцев, — и получил недавно все галицкие издания... Есть очень дурные, враждебные, полякующие... Но есть превосходные. «Наука», народный журнал священника Наумовича, приводит меня в восторг и всех духовных, кони я показывал. У нас никто не умеет так писать для народа» («Былое», 1924, № 27—28, стр. 65). Свое восхищение Победоносцев вскоре подкрепил исходатайствованием И. Наумовичу негласного пособия из секретных сумм «на известное его величеству употребление» (см. «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, 1. М. 1923, стр. 309, также стр. 331). Весьма сочувственно отзывался он о Добрянском, Наумовиче и «других, лучших и доблестнейших людях русской народности» в письме к Александру III («Письма Победоносцева к Александру III», т. II, М. 1926, стр. 9 и сл.).

Иосиф Владимирович Гурко (1823—1901) был в это время варшавским генерал-губернатором и командующим войсками Варшавского военного округа.

6

Вы, конечно, обратили внимание во вчерашнем № «Московских ведомостей» на корреспонденцию из Одессы о каталоге книг.

На днях еще я писал гр. [Д. А.] Толстому и обратил его внимание на читальни для народа, которые в последнее время вошли в моду.

Душ[евно] пред[анный]

К. Победоносцев

21 окт[ября] [18]83

В «Московских ведомостях» (1883, № 291, 20 октября) была напечатана корреспонденция «Из Одессы», в которой сообщалось: «Несколько времени тому назад появилась напечатанная у нас в Одессе, хотя составленная в Киеве, небольшая брошюра, имеющая весьма большое значение в среде либеральной молодежи не только у нас на юге, — это «Каталог систематического чтения. Второе исправленное издание, цена 50 к. Одесса 1883 года»... Специальное назначение каталога — заменить собою «развивателей» и служить «среди громадного, все более и более нарастающего количества книг» руководством «начинающему свое образование человеку». Подробно остановившись на содержании «Каталога» и установив его «вредную», «либеральную» тенденцию, корреспондент пришел к выводу, что «по ничтожеству своему и невежеству он не стбит ни малейшего внимания, но нельзя не обратить внимания на книжку, служащую «пособием» учащейся молодежи, в чем... легко убедиться в любой библиотеке для чтения, где вы постоянно видите с пресловутою книжкою гимназистов и гимназисток». Неприкрыто доносительский характер этой корреспонденции нашел быстрый отклик в бюлетенях русского просвещения и печати — в Победоносцеве и Феокистове. Последний в самый день получения публикуемого письма Победоносцева уже мог уведомить его о принятых в отношении крамольного каталога мерах. Вот что писал в ответном письме Феокистов:

Милостивый государь Константин Петрович!

Об одесском каталоге книг я узнал еще прежде, чем прочел корреспонденцию «Московских ведомостей». Составитель его — некто Андреевский, высланный некогда административным порядком за свои сношения с анархистами и возвращенный при гр. Лорисе-Меликове. Каталог представляет нечто поистине возмутительное, в нем содержатся указания не столько на книги, сколько на статьи «Отечественных записок», «Слова», «Дела», «Русской мысли» и т. п. К сожалению

первое издание появилось еще два года тому назад, а теперь вышло второе, за которое, конечно, подвергнется каре цензор, и кроме того я предложу гр. Дмитрию Андреевичу [Толстому] арестовать все экземпляры книги. Но для сего я жду затребованных мною сведений из Одессы.

При сем считаю нелишним сообщить вашему превосходительству, что департамент полиции, при нашем содействии, уже выработал новые правила для усиленного надзора за библиотеками, кабинетами для чтения и читальнями.

Вашего высокопревосходительства покорнейший слуга

Е. Феоктистов

21 октября 1883 года

(«К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, 1. М. 1923, стр. 332—333).

Сведения об авторе каталога в этом письме были сочинены Феоктистовым. Запросы Главного Управления по делам печати не могли открыть имя составителя (слухи называли, — совершенно, конечно, безосновательно, — составителями Н. Г. Чернышевского и П. Л. Лаврова; этим, повидимому, следует объяснить громадный успех каталога). По распоряжению Главного Управления «Каталог» был конфискован; из соответствующих донесений в «деле» видно, что всего конфисковано 1553 экз. (из 3600 фактически напечатанных), при чем конфискация производилась и в таких отдаленных от Одессы губерниях, как Вятская и Томская. См. ЛОЦИЯ, Дело Главного Управления по делам печати, 1883, № 85 «Об изъятии из продажи брошюры «Каталог систематического чтения», изд. книгопродавца Распопова; также Н. В. Здобнов «Конфискованные библиографические издания 80-х годов» («Каталог и ссылка», 1934, № 4, стр. 106—121).

Как указал А. Рябинин-Скляревский составителями «Каталога» были А. А. и С. Ф. Русовы, переработавшие первое издание «Каталога», составленное Б. Перро (О. Рябинин-Скляревский «3 життя Одеської громади 1880-х років» — За сто літ, кн. IV, 1928, стр. 167—168). По этому делу Одесским жандармским управлением велось следствие, закончившееся отдачей всех привлеченных лиц под надзор полиции.

7

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

В 20 декабря № «Нового Времени» на первой странице напечатано под заглавием: «И з ъ я в л е н и е б л а г о д а р н о с т и» весьма предосудительное объявление, с письмами разных лиц — нечто в роде рекламы священнику, производящему якобы чудесные исцеления.

Я произвожу под рукою дознание о тех лицах, от имени коих напечатаны письма. Несомненно кто-нибудь собрал их и организовал всю эту неприличную демонстрацию. Очень прискорбно было бы, когда бы обнаружилось, что в ней не без участия сам священник.

Но независимо от этого, мне кажется, не следовало бы таким объявлениям появляться в печати. Не знаю решительно, производит ли какаянибудь цензура частных объявлений, помещаемых в бесцензурном издании.

Благоволите обратить внимание на этот предмет.

А в частности нельзя ли узнать, от кого представлено такое объявление в контору «Нового времени»? Полагаю, что в подобных случаях предъявление не должно быть безыменное.

Душевно уважающ[ий] и предан[ный]

К. Победоносцев

23 дек[абря] 1883

Имеется в виду «благодарственное заявление» («Новое время», 1883, № 2807, 20 декабря) священнику Иоанну Ильичу Сергееву (известному позднее «Иоанну Кронштадтскому») «за оказанное нам исцеление от многообразных и тяжких болезней, которыми мы страдали и от которых ранее не могла нас излечить медицинская помощь, хотя некоторые из нас подолгу лежали в больницах и лечились у докторов». «Заявление» подписано 16 лицами; при некоторых фамилиях — адреса. Каждый из подписавшихся коротко сообщал о своей болезни.

К. П. ПОВЕДОНОСЦЕВ

Портрет работы И. Репина, масло
Русский Музей, Ленинград

8

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

О статье Шульца желательно бы объясниться с вами, ибо писать долго. Завтра застанете меня утром до 1 часу и потом, если угодно, в 4 часа.

Узнаю [М. Н.] Каткова в этой записке. Ему чудятся тут черные козни, а это, по всей вероятности, — или канцелярское небрежение или канцелярская экономия. Высылал бы газету попрежнему. Чтоб узнать в чем дело, надо бы спросить маленьких людей в придворных канцеляриях, а больших совестно и спрашивать о таком обстоятельстве. Я убежден, что никакого умысла тут нет. Да и газеты не кладутся на стол государю, какие бы то ни было, а на «Моск[овские] вед[омости]» обращается его внимание извне, по поводу разных статей.

Душ[евно] пр[еданный]

К. Победоносцев

28 декаб[ря] 1883

К письму Победоносцева приложено следующее письмо Каткова к Феокистову: «С самого начала, то-есть с 1863 года как «Московские ведомости» поступили в мои руки, ежегодно от Министерства Двора возобновлялись подписки на доставление их в кабинет его величества. Обыкновенно требование это поступало в начале или в половине декабря. Теперь мы уже в конце года, а требования нет и, по всему вероятно, не будет. Это, конечно, не помешает мне посылать «Московские ведомости» прежним порядком по тому же адресу. Но я опасуюсь скандала: не будет ли этот экземпляр возвращен мне при отзыве, что посылать газету на имя е[го] в[еличества] не требуется? Это, конечно, не останется без огласки, последствия которой едва ли будут хорошие, если не для меня и не для газеты, то для дела, которому она служит. Это было бы странное désaveu после грамоты, данной мне в этом году. Но от [И. И.] Воронцова [-Дашкова] или от его приспешников все может статься. Не знаю, как поступить, чтобы предупредить подобный исход. Самому мне неловко обращаться к кому-нибудь за советом».

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Стóит, кажется, подумать о вопросе: могут ли быть иностранные подданные издателями и владельцами журналов и газет в России. Газета — с одной стороны — бесспорно в наше время орудие для проведения в публику всякого рода идей, след[овательно] и политических, — с другой стороны, — орудие спекуляции, дело т[ак] назыв[аемого] Г е ш е ф т а, в коем для при- манки покупателей употребляются всякие средства.

Все это вновь приходит мне на мысль при известии о передаче газеты «Радуга» в руки австрийского подданного, какого-то Гетцля.

Если будет возможность, желал бы я получить экземпляр книги, задержанной у [В. М.] Карловича, — и еще книги гр. Л. Толстого.

Душевно предан[ный]

10 февр[аля] 1884

К. Победоносцев

О взглядах Победоносцева на печать см. ниже. Аналогичные высказанным в настоящем письме мнения о газетах и увещания на этот счет («Пожалуйте! Доколь мы будем сидеть на суку и сук рубить под собою!») — см. в письме Победоносцева к Н. П. Игнатьеву (14 февраля 1882 г. — «Былое» 1924 г., № 27—28, стр. 71).

«Радуга» (1883—1884) — «еженедельный журнал с картинami», основанный Н. П. Гиляровым-Платоновым; в 1884 г. его издателем сделался А. Метцль (а не Гетцль, как пишет Победоносцев), редактором — Д. А. Мансфельд.

«Книга гр. Л. Толстого — В чем моя вера?» (М. 1884). По сообщению Б. Л. Модзалевского «экземпляры арестованной по распоряжению Победоносцева книги «В чем моя вера?» были выписаны в Петербург, где и разошлись по рукам высокопоставленных лиц, а потом распространились во множестве списков с величайшею быстротою» (Толстовский Музей, т. II. «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым», СПб 1914, стр. 311; см. А. Л. Бем, «Библиографический указатель творений Л. Н. Толстого», Л. 1926, стр. 17).

Книга Толстого была отпечатана в количестве пятидесяти экземпляров, которые предполагалось распространить среди ограниченного круга читателей по цене в 25 руб. каждый. Несмотря на это, книга была направлена в духовную цензуру, которая нашла, что «по мыслям, явно противным учению и духу христианства, разрушающим начала нравственного учения его, устройство и тишину церкви и государства», книга Льва Толстого «В чем моя вера?» принадлежит к числу сочинений, о которых говорит 239-я статья Цензурного устава», т. е. безусловно подлежащих к запрещению и конфискации (Дело Главного Управления по делам печати 1884, № 22, л. 15 об.). В цензурном деле сохранились также сведения о судьбе конфискованных экземпляров, разошедшихся, как сказано, по рукам. Приводим выборку официальных справок: «Представлено типографию и инспектором типографий в Московский цензурный комитет — 9 экз. Взят автором — 1; у Московского генерал-губернатора [кн. В. А. Долгорукого] — 1; доложен государю императору — 1; г. министру внутренних дел [гр. Д. А. Толстому] по личному его требованию — 1; г. обер-прокурору Св. Синода [К. П. Победоносцеву] по распоряжению г. начальника — 2; взято г. начальником [Е. М. Феокистовым] — 2; генерал-адъютанту, князю Орлову, по распоряжению г. министра — 1 и т. д.

В. М. Карлович — автор трехтомного труда «Исторические исследования, служащие к оправданию старообрядцев».

Борьба с расколом составляла существеннейшую часть деятельности Победоносцева как обер-прокурора Синода. Она, между прочим, нашла свое отражение в постановлении специального «съезда антираскольниковских миссионеров», состоявшегося в Москве, в июне 1887 г., в котором признавалось необходимым, «чтобы усилены были меры к пресечению доступа в Россию заграничных изданий раскольниковских сочинений и учрежден был бдительный надзор за лицами, занимающимися привозом их из-за границы и распространением в России, а также, чтобы не было допускаяемо к обращению в продаже раскольниковских сочинений, печатаемых в России на гектографе» (там же, стр. 280—281). Среди сочинений, с которыми Синод предпочитал бороться такими полицейскими мерами, виднейшее место принадлежало «Исследованиям» В. Карловича. Отпечатанные листы первого тома (за исключением полутора-двух десятков) были конфискованы, после чего печатание книги было перенесено за границу, в Черновцы (Буковина): в 1883 г. отпечатанный там второй том «Исследований» Карловича был контрабандой, «под видом папиросного товара» привезен в Россию, но был обнаружен полицией и конфискован.

Сам автор, В. М. Карлович («турецкий поданный», как он именуется в официальной переписке), несколько месяцев провел в тюрьме, а затем был выслан из России и возвратился обратно лишь после амнистии, в 1905 г. (см. В. М. Карлович, Краткий обзор преследования христиан первых веков в тесной связи с печальной судьбой старообрядцев, М. 1907, стр. 3).

Следует заметить, что конфискация «Исследований» не приостановила распространения книги в раскольнической среде. 22 февраля 1884 г. Главное Управление по делам печати сообщило московскому генерал-губернатору на основании газетных сведений (передовая статья «Петербургской газеты» 1884 г. № 35), что «в последнее время среди старообрядцев началось литературное движение с целью доказать истинность исповедуемой ими веры, при чем распространяются два гектографированных сочинения под заглавиями: «Исторический очерк о персональном разделении старообрядцев с пастырями великороссийской церкви в 1667 г. и краткое обозрение последующего времени» и «Ответы на вопросы старообрядцев». Сопоставление этих двух брошюр с двумя томами «Исследований» Карловича дает департаментским «исследователям» возможность «безошибочно предположить, что распространяемые среди раскольников гектографированные списки первого из сочинений, о коих говорит «Петербургская газета», сняты под иным заглавием... с оригинала, запрещенного цензурой к обращению» (дело Главного Управления по делам печати 1884 г., № 22, лл. 19—19 об.).

10

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

В дополнение к прежним сообщениям посылаю вам (если вы не знаете) гектографированное письмо [Н. В.] Васильева к Тим. Савв. [С. Т.?] Морозову об издании новой газеты, на которую собираются деньги. Дает и [С. И.] Нечаев-Мальцев, сообщивший мне это письмо.

В нем есть две отмеченные карандашом фразы, которые подтверждают мое подозрение. Они содержат в себе очевидно *captationem benevolentiae* относительно Морозова. Участие Т. И. Филиппова тоже подозрительно.

Васильева я не знаю, но в устах его эти фразы кажутся мне странными. [К. Н.] Цветкова же я знаю: он не имеет ни таланта, ни самостоятельности, и постоянно ищет выгодного дела, к которому пристроиться, составляет планы акционерных обществ и т. под. Он беден с семьей, и пойдет всюду, куда потащит его интерес улучшения быта.

Прилагаемую тетрадь, когда просмотрите, прошу возвратить мне.

Душевно предан[ный]

К. Победоносцев

29 февр[аля] 1884

Речь идет, повидимому, о «Голосе Москвы», «газете политической, литературной и экономической», издававшейся Н. В. Васильевым в 1885—1886 гг. на средства некоторых представителей именитого московского купечества (Морозов, Нечаев-Мальцев и др.) и пытавшейся сохранять равновесие между весьма умеренным и благонамеренным либерализмом и откровенной реакцией. Впоследствии, после закрытия «Голоса Москвы» Н. В. Васильев работал в «Московских ведомостях», и в середине 90-х годов даже играл в этой газете значительную, ведущую роль. Упоминаемый в письме Победоносцева Цветков — вероятно Константин Николаевич, который «30 лет работал в редакции «Московских ведомостей» и был оттуда изгнан за что-то вроде знания и недонесения об адресе московских купцов Витте» (Воспоминания Льва Тихомирова. М. 1927, стр. 421). За несколько лет до того, в 1881 г., этот Цветков приезжал в Петербург «проситься» на должность редактора «Правительственного вестника». (См. «Былое», 1924, № 27—28, стр. 56).

Участие в проектируемой газете Тertia Ивановича Филиппова (1823—1899), государственного контролера, активного деятеля и публициста по церковным вопросам, должно было показаться Победоносцеву подозрительным уже по тем отношениям взаимного недоброжелательства и подозрительности, какие существовали между ними. (С. Ю. Витте. «Воспоминания», т. III, стр. 250—251).

11

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Спешу известить вас, после свидания с [Н. В.] Васильевым, что я прошу вас не стесняться в разрешении газеты прежними моими заявлениями. Я убедился, — что для меня существенно, — что никакого предварительного соглашения о служении газеты раскольничьим интересам не было. Недоразумение произошло, во 1-х, — от некоторых неловких выражений в письме [Н. В.] Васильева к [С. Т.] Морозову, а во 2-х, и, как я думаю, главное, от сплетни, пущенной может быть не без намерения. Г. Васильев имеет вид не только разумного, но и искреннего человека.

Душевно пред[анный]

К. Победоносцев

6 марта 1884

12

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Я несколько раз присылал к вам №№ «Востока» с указанием на статьи. Иного еще не вижу, ибо не все №№ мне доставляются. Но вот сегодня в № «Света» выписка из «Востока», на которую обращаю ваше внимание, и прошу вас доложить гр. [Д. А.] Толстому: возможно ли допустить такого рода статьи, возбуждающие духовенство и мирян против распоряжений епар[хиальной] власти. При том все нелепые диатрибы г. [Н. Н.] Дурново основаны на сплетнях и доносах, которые к нему собираются. Что касается до статей его о Восточных делах, то на них давно уже ропщет и Министр[ство] Иностранн[ых] дел.

Душевно пред[анный]

К. Победоносцев

25 марта 1884

Победоносцев имеет в виду передовую статью газеты «Свет» (1884, № 68, 25 марта), в которой указывается на то, что «с некоторых пор в Москве раздаются постоянные жалобы на свое епархиальное начальство». В ней приводится обширная цитата из «Востока», на которую главным образом ополчается в своем письме Победоносцев, — ряд примеров того, что «в глазах нынешнего епархиального начальства прихожане признаются вполне бессловесным стадом баранов, лишенным всякой защиты, и их прошения об определении в их храмы излюбленных ими пастырей оставляются без всякого внимания».

Н. Н. Дурново — редактор-издатель «Востока» (1879—1885), московской газеты, преимущественно посвященной церковно-общественным вопросам. По настояниям Победоносцева, газета, несмотря на отчетливую ретроградно-черносотенную окраску, неоднократно подвергалась цензурным преследованиям за «вредное направление» и, в конце-концов, прекратилась вскоре после третьего предостережения (27 марта 1884 г.), данного за то, что она «постоянно прибегает, несмотря на предостережения, к дерзким нападкам на деятельность лиц высшей духовной иерархии и с непозволительною запальчивостью обсуждает различные вопросы церковного управления» (Вл. Розенберг и В. Якушкин, «Русская печать и цензура в прошлом и настоящем». М. 1905, стр. 227).

13

Очень рад был встретить сегодня в «Правит[ельственном] вестн[ике]» извещение о закрытии «Востока».

Как Ксерксу некто приставлен был говорить ежедневно: «Государь, вспомни об Афинянах», так приставил бы я кого-либо к гр. [Д. А.] Толстому говорить ежедневно: «вспомни о «Русском курьере». Скажите ему при докладе.

Вот еще вырезка. Вы, конечно, знаете, что Евгений Рагозин человек весьма неблагонадежный и тем более опасен, что богат, на чужой счет поживившись. Хитер и способен.

К. Победоносцев

1 апр[еля] 1884

Речь идет о полученном «Востоком» третьем предостережении с приостановкой на четыре месяца и с отдачею под предварительную цензуру (см. выше, примечание к письму № 12). Роль Победоносцева, как инспириатора этой меры, вряд ли может подлежать сомнению.

«Русский курьер» и без напоминаний Победоносцева пользовался особенным вниманием Главного Управления по делам печати и его начальства: в течение 1884 г. вопрос о газете ставился почти на каждом заседании Совета по делам печати. Так, 5 января 1884 г. Совет слушал заявление Феокистова о том, что «газета «Русский курьер» принадлежит к числу вреднейших наших периодических изданий. С самого возникновения своего она соперничала с «Московским телеграфом» в проповеди крайних демократических учений, в порицании всего существующего в России государственного строя и в слишком прозрачных намеках на то, что он должен быть заменен конституционным порядком вещей» (Журналы заседаний Совета Главного управления по делам печати 1884, л. 9—9 об.). В заседании Совета (15 октября 1884 г.) Феокистов выступил с обширным докладом по поводу «Русского курьера», перечислив все прегрешения газеты и сведя их к нескольким тезисам. «Редакция этой газеты, — писал он, — давно уже освободилась от всякого национального, патриотического чувства, щеголяя, при каждом удобном случае, бессмысленным космополитизмом». «К церковным вопросам обращается «Курьер» исключительно для того, чтобы выставить в привлекательном свете всякого рода сектанство и раскол и изображать самыми мрачными красками состояние православной церкви и духовенства». «Русский курьер» относится с явным недоброжелательством к строгим мерам, принимаемым против язы социализма и анархии» и т. д. Вывод, к которому пришел Феокистов и с которым согласился Совет, был — объявить «Курьеру» третье предостережение, приостановить издание и отдав его, по возобновлении, под предварительную цензуру. Граф Толстой с этим постановлением не согласился и в своей резолюции предложил только «объявить редактору «Русского курьера», что, при первом промахе с его стороны, газета будет подчинена цензурному просмотру» (там же, лл. 92—100 об.).

К письму Победоносцева приложена газетная вырезка с сообщением о том, что состоялась продажа с аукциона права на издание журнала «Заграничный вестник», принадлежащего вдове покойного Валентина Федоровича Корша. Издание осталось за Е. И. Рагозиным. «Неблагонадежность» Евгения Ивановича Рагозина, по официальной справке, заключалась единственно в общении с эмигрантами в бытность за границей и в хранении «запрещенных книг» [1871 г.].

14

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Вам, конечно, уже известно, что штаб «Отечеств[енных] записок» расходуется по разным редакциям, и главная квартира, повидимому, устраивается в редакции «Русских ведомостей». Не знаю, известна ли вам прилагаемая прокламация, которую рассылают из Москвы в провинцию по разным учебным заведениям. В Рязани получена она и в гимназии, и в семинарии, и в других местах. Любопытно, что сборным пунктом указана ред[акция] «Русских ведомостей».

Душ[евно] пред[анный]

К. Победоносцев

2 мая 1884

Закрытие в апреле 1884 г. специальным постановлением совещания четырех министров «Отечественных записок», органа народнической демократии, явилось «венцом» цензурной деятельности Феокистова, на которому он стремился и подыскивал поводы с самого назначения своего на пост начальника Главного управления по делам печати. Феокистов отнюдь не скрывал своей антипатии к журналу и его руководителям (в особенности к М. Е. Салтыкову) и в своих воспоминаниях упрекал Д. А. Толстого в «боязливости», в том, что он не хотел портить отношений с Салтыковым, своим товарищем по Александровскому лицей, и опасался «возбудить неудовольствие в обществе» (Е. М. Феокистов, «За кулисами политики и литературы». Л. 1929, стр. 241—242). «Однажды, — продолжает Феокистов, — граф Толстой пригласил меня на совещание с Оржевским и Плеве, которые сообщили, что редакция «Отечественных записок» служит притоном отъявленных нигилистов, что против некоторых из сотрудников этого журнала существуют сильные улики, что один из них уже выслан административным порядком из Петербурга и что необходимо разорить это гнездо; состоялось совещание четырех мини-

стров (на основании одной из статей цензурного устава), которое и постановило прекратить издание «Отечественных записок». Граф Дмитрий Андреевич [Толстой] считал необходимым подробно объяснить мотивы, которыми руководилось правительство, прибегнув к этой мере, чего в подобных случаях никогда не делалось прежде и в чем не было ни малейшей необходимости: как будто отвратительное направление журнала не достаточно ясно говорило само за себя, как будто требовалось оправдываться, ссылаясь на закулисную преступную деятельность того или другого из сподвижников Салтыкова» (там же, 242). Однако и подробная мотивировка запрещений не в силах была оправдать в глазах читателей самого факта закрытия популярного журнала: в мотивировке не было указано ни одной статьи «Отечественных записок», ни одного места, которые могли бы дать повод к суровой каре; наиболее «существенными» аргументами была ссылка на доказанную будто бы следствием (но не судом) связь некоторых сотрудников «Отечественных записок» (без упоминания имен) с «революционной партией», и голословная фраза о том, что журнал проповедует теории, находящиеся в противоречии с основными началами нашего государственного и общественного строя, причем проповедь эта, обращенная к незрелым умам, не остается бесплодной. Кстати сказать, в формулировке этого постановления ближайшее и непосредственное участие приняли и Феофимов и Победоносцев, как можно судить из письма первого ко второму от 11 апреля 1884 г. («Не мог я раньше доставить вашему высокопревосходительству проект постановления об «Отечественных записках» и «Новостях», потому что находился он у г. Плеве... Не угодно ли вам будет сделать в нем какие-либо изменения? Всякое ваше указание будет принято с величайшей благодарностью»). — «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. 1, 2. М. 1923, стр. 460. Насколько малую цену имели эти аргументы постановления в глазах даже таких умеренных либералов, как К. Д. Кавелин, показывает письмо последнего (21 апреля 1884 г.) к Д. А. Милотину, где читаем, между прочим, следующее: «Правительство тут, как и во множестве других случаев, оказалось ниже своего положения и действовало как партия, а не как орган государственной власти, — точно будто бы четыре министра сами были журнальные или газетные борзописцы, сотрудники редакции литературного органа противной партии. Правительство таким способом действий только все более и более теряет доверие, уважение и престиж, которым должно быть окружено в интересах государственной власти» («Вестник Европы», 1909, № 1, стр. 34).

Демократические группы русской интеллигенции, в частности студенчество, пытались свой протест против закрытия любимого и близкого журнала облечь в общественно-организационные формы. Отсюда — появление той «прокламации», «К русскому обществу от Московского Центрального Круга Общестуденческого Союза», о которой упоминает Победоносцев. «Сегодняшние газеты сообщают о новом проявлении той темной силы, которая много лет позорит нашу родную страну и которая именуется русским правительством. Запрещено издание «Отечественных записок». — Преступная рука не пощадила и этого единственного органа, смелого и честного защитника прав русского человека. — Мы надеемся, что русское общество не будет по обыкновению равнодушно к судьбе своих защитников. Мы надеемся, что русское общество выразит свое сознание великому писателю-гражданину Салтыкову и его сотрудникам, свой протест и негодование русскому правительству; что в русском обществе не умерло еще чувство гражданского мужества и собственного достоинства». Эта прокламация была расклеена по Москве, а также послана в провинцию, в частности в рязанскую семинарию (воспитаннику семинарии Иванову), в сопровождении следующего обращения: «В надежде, что молодежь рязанской семинарии отзовется на наше воззвание, приглашаем ее выразить свой протест по поводу запрещенного издания «Отечественных записок» в такого рода позволительной, легальной форме: «Нижеподписавшиеся, в виду вполне неожиданного ухудшения положения русского литературного труженика, вносят в кассу Литературного фонда... рублей». — Сбор и листок подписавшихся пошлите в редакцию «Русских ведомостей». Р. С. Форму протеста можете изменить, если предлагаемую сочтете неудобной. Член организации Студенческого Союза. Милостивый Г[осударь], если вы почему либо сочтете неудобным для себя собиранье подписей, то передайте это дело кому-либо из ваших товарищей». Эти два документа, впоследствии попавшие в специальное «дело» Департамента полиции (1884, № 53, т. 1, стр. 169—170), и имел в виду в своем письме Победоносцев; едва ли не он и переслал их туда; они и дали ему повод писать Феофимову о «Русских ведомостях», как «главной квартире» «штаба» разгромленных «Отечественных записок». Последнее представление, конечно, сильно преувеличено. Сам М. Е. Салтыков, например, жаловался К. Д. Кавелину на то, что после ликвидации своего журнала «лдишер» возможность ежемесячно беседовать с читателем («Литературное наследство», кн. 13—14, стр. 332); в письме же к В. А. Гольцеву он указывал на многочисленные «осложнения», связанные с сотрудничеством в «Русских ведомостях» (там же, стр. 338). Несомненно, что эти осложнения шли не только п

линии правительственной цензуры, но и цензуры «дружеской», цензуры той либеральной буржуазии, выразителем интересов которой были «Русские ведомости». Примерно то же самое, хотя, конечно, в меньшей степени, чувствовали и другие ближайшие сотрудники «Отечественных записок» (напр., Г. И. Успенский, Н. К. Михайловский и др.).

15

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Вот объявление о книге. Я помню эти фельетоны в «Совре[менных] изв[естиях]». Они все наполнены скандальными анекдотами о монахах (даже с именами) и о любовных похождениях. Есть тут поэмы в стихах на все эти проделки, сочинение разных послушников, к числу коих, мож[ет] быть, принадлежал и автор.

В свое время я получал письма с жалобами, как позволяют все это печатать.

Очевидно, что издание целой книги (Пресновым) рассчитано на скандал.

Благоволите рассудить, нет ли предлога остановить издание. Можно бы, например! направить его в духовную цензуру, из коей оно уже не выплывет.

Душевно предан[ный]

К. Победоносцев

2 января 1885

К письму приложена газетная вырезка из «Современных известий» (1884, № 341): «Воспоминания о Троицкой лавре В. С. Казанцева, печатавшиеся в «Современных известиях» за нынешний год, в непродолжительном времени выйдут отдельным изданием в объеме свыше 15 печатных листов. Цена 1 р. 50 к. Главный склад издания в книжном магазине Д. Н. Преснова, на Никольской, и в конторе «Современных известий», подписчики которых могут получать книгу за 1 рубль. За пересылку прибавляют как за 2 фунта. Подписка принимается». Книга В. С. Казанцева появилась в свет лишь в следующем, 1886 г., и тотчас была конфискована. В архиве Главного Управления по делам печати сохранилось донесение Московского Цензурного комитета (5 апреля 1886 г.) о книге «За оградой и в мире, из воспоминаний В. С. Казанцева», в которой легко угадывается та же книга, от появления которой предостерегал Феоктистов Победоносцев. «По докладу рассматривавшего книгу г. Воронича, — сообщал Московский Цензурный комитет, — автор знакомит читателя с внутреннею жизнью монахов Троицкой Лавры в эпоху святительства митрополита Филарета, и сравнительно недавнюю эту эпоху рисует мрачными и тяжелыми для чувств верующего красками. Приводя примеры, один другого ярче и прискорбнее, полного нравственного падения монастырской братии, г. Казанцев, хотя и оговаривается в предисловии к сочинению, что лично он глубоко чтит монашество, но забывает при этом, что, выставляя на суд общественного мнения, и без всякого права на это, внутреннюю жизнь одной из более почитаемых обителей, он приносит тем существенный вред религиозно-нравственному чувству читателей. — Некоторая часть книги появлялась от времени до времени в фельетонах «Современных известий» за прошлый год; но там, благодаря разрозненности, она могла проходить либо незамеченной, либо без особенного воздействия на читающую публику. Признавая совершенно иную силу за целою книгой и, согласно с мнением цензора, находя, что впечатление, остающееся от прочтения ее, представляется положительно вредным для религиозного и нравственного чувства, Комитет отнес сочинение г. Казанцева к категории тех сочинений, которые имеет в виду закон 1872 г., июня 7 дня, и полагал бы, что книга не должна быть допущена к обращению в публике» (Дело Главного Управления по делам печати 1886 г., № 19, лл. 12—12 об.). Главное Управление согласилось с донесением, и книга была конфискована.

16

Простите, что надоедаю.

Мне кажется, надо теперь строго следить за газетами, особливо московскими, по поводу статей о бунте на Морозовской мануфактуре. Почва горячая, а дураков много. Вот уже во вчерашней «Жизни» статья — только дурацкая. А тут еще вот какое обстоятельство. Заводчики приписывают нынешние волнения — влиянию меры, принятой [В. А.] Долгоруким на Вознесенской мануфактуре. У Долгорукого свои виды между журналистами, особливо

забористыми — как напр. «Русских вед[омостях]». Немудрено, что иные из угождения ему и под покровительством его будут нагнетать [?] меру.

Душевно преда[нный]

К. Победоносцев

13 янв[аря] 1885

История морозовской стачки 7—13 января 1885 г. слишком общеизвестна, чтобы нуждаться в подробном изложении. Вызванная тяжелым промышленным кризисом, который «до такой степени сильно зарядил фабричную атмосферу электричеством, что взрывы постоянно происходили то здесь, то там» (В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. IV, стр. 312), морозовская стачка, несмотря на то, что «о сколько-нибудь заметной социалистической агитации среди рабочих не могло быть и речи» (там же), произвела громадное революционизирующее впечатление на классовое сознание рабочих масс и одновременно «произвела очень сильное впечатление на правительство, которое увидало, что рабочие, когда они действуют вместе, представляют опасную силу, особенно когда масса совместно действующих рабочих выставляет прямо свои требования. Фабриканты тоже почувяли силу рабочих и стали поосторожнее» (В. И. Ленин, «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». — Сочинения, изд. 3-е, т. I). Впечатление еще усилилось после того, как суд присяжных полностью оправдал нескольких человек (Мойсеенко, Волкова, Лифанова), «главных зачинщиков» стачки, и Катков возвестил о «101 салютационном выстреле» (по числу 101 вопроса, заданного судом присяжных) «в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса («Московские ведомости», 1886, № 146, 29 мая). Совет Победоносцева «строго следить за газетами» был учтен Феоктистовым: печать ограничивалась преимущественно фактическим изложением событий и необходимейшими и кратчайшими их комментариями (см. Н. Максимовская, «Морозовская стачка 1885 г., Библиография» — «Каторга и ссылка», 1935, № 1, 142—157).

Упоминаемые Победоносцевым события на Вознесенской мануфактуре — большая стачка, происшедшая в 1884 г. и вызванная сокращением работы до 4 рабочих дней в неделю. На фабрике работало 2 000 чел., в том числе 900 взрослых мужчин, участие которых в забастовке придало ей размах, силу и большое упорство. Из Москвы для подавления стачки были вызваны 3 батальона пехоты; арестовано и выслано 115 наиболее активных рабочих. Вмешательство московского генерал-губернатора В. А. Долгорукова, испугавшегося размаха стачки, вызвало, с одной стороны, полицейские репрессии и массовые высылки рабочих, с другой — понудило владельцев фабрик к некоторым уступкам рабочим (А. А. Панкратова, «Рабочий класс и рабочее движение в эпоху промышленного капитализма» — в сборнике «Очерки истории пролетариата СССР», М. 1931, стр. 100). На это вмешательство Долгорукого намекает в своем письме и Победоносцев.

17

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Вам, конечно, известна полемика, возникшая в газетах по поводу «Разбойника Чуркина» и проч[их] Пастуховских изданий. Посылаю вам письмо одного простого ревнителя. Не знаю, останавливались ли вы мыслию на этом предмете, но, кажется, стоило бы подумать о средствах к ограничению пространства и публичной продажи таких изданий?

Душ[евно] пр[еданный]

25 февр[аля] 1885

К. Победоносцев

Вообще стоит обратить внимание на отдельные оттиски или перепечатку безнравственных фельетонов мелкой нашей печати.

Роман Николая Ивановича Пастухова «Разбойник Чуркин» печатался в «Московском листке» в 1882—1884 гг. (отдельное издание, М. 1884) и пользовался совершенно исключительным успехом среди читателей. Как вспоминал впоследствии М. Шевляков, «газетчиков стали осажать приказчики, дворники, извозчики, кухарки, до того совершенно равнодушно относившиеся к прессе. Можно сказать без преувеличения, что «Чуркин» создал эпоху. Чуркин был на устах всех москвичей; в «Чуркина» на дворах играли ребяташки; ради «Чуркина» на газету поднялся сильный спрос в провинции» (М. Шевляков, «Оригиналы и чудачки», IV. Н. И. Пастухов. «Исторический вестник», 1913, № 11, стр. 520).

С этим интересно сравнить сообщение С. Решетова о впечатлении, которое производил «Разбойник Чуркин» в среде «фабричных» (т. е. рабочих): «Умевших

Е. М. ФЕОКТИСТОВ

Фотография
Институт Русской Литературы,
Ленинград

читать было мало. Читали газету иногда по складам, но все же она доставляла большое удовлетворение. В столичной газете печатался длинейший фельетон о разбойнике Чуркине. Фельетон читался с захватом. Перебивать его не полагалось. Увлеченные слушатели забывали о том, что буфетчик из-за стойки косо на них поглядывает, ибо они долго занимают столы «парой чая», а гостей все не прибавляется. Фабрика отошла в сторону, о ней никто не вспоминает. По окончании фельетона идет длительная беседа о Чуркине... В глазах фабричных Чуркин — «добрый» разбойник и разудалый парень. Он шел против хозяев, мстил им за обиженных и не трогал бедных» (С. Решетов, «К новой жизни», М. 1926, стр. 8). Эта популярность романа очень быстро вызвала массу подражаний. Последняя же в конце-концов вызвала опасения реакционно-консервативных кругов и явилась непосредственной причиной насильственного прекращения печатания романа. Несомненно, что главным инспиратором запрещения «Чуркина» явился в действительности Победоносцев: 25 февраля 1885 г. он пишет Феоктистову публикуемое нами письмо, а 9 марта Пастухов совершенно неожиданно обрывает свой роман, заставляя героя погибнуть во время грозы в лесу, под столетним деревом. На Победоносцева в данном случае воздействовал, кроме «неизвестного ревнителя», также И. С. Аксаков, выступивший с рядом статей против «Разбойника Чуркина» (их-то и имеет в виду Победоносцев, говоря о полемике, возникшей вокруг романа Пастухова).

18

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Позвольте обратиться к вам с просьбою деликатного свойства.

Потрудитесь прочесть прилагаемое письмо [Н. К.] Гирса.

Затем призовите к себе [В. Г.] Авсеенку (буде вы в хороших с ним отношениях) и убедите его помолчать о Германии и Бисмарке относительно участия его в Афганском деле.

К сожалению, «Петербургские ведомости» считаются за границей как бы правительственным органом, и Бисмарк, как видите, обращает внимание на статьи этой газеты.

Наши гг. журналисты не умеют понять никакой тонкости.

У Авсеенки, каж[ется], не совсем разумная голова, а самолюбия много.

Поймет ли?

Если вы с ним не хороши, то я мог бы объясниться с ним.

Письмо Гирса покорнейше прошу возвратить мне.

Душевно пред[анный]

К. Победоносцев

11 мар[та] [1885]

Желательно, чтобы Авс[еенко] понял. Положение натянутое и требует осторожности.

Ответ Феоктистова:

Милостивый государь Константин Петрович,

Возвращаю вашему высокопревосходительству письмо Н. К. Гирса.

Авсеенко я позову к себе и поговорю с ним обстоятельно. Так как я с ним в хороших отношениях, то — надеюсь — мои внушения не останутся без следа, но все-таки позвольте мне направить его к вам. Конечно, ваше слово будет иметь еще гораздо более весу в его глазах.

Удивительные, однако, у нас делаются дела. Бисмарк следит внимательно за нашей печатью, от него не ускользает даже какая-нибудь статейка «С.-Петербургских ведомостей», а для русского министра иностранных дел печать эта как будто не существует. Почему же он не хочет пользоваться ею? Я знаю, что за исключением одного или двух органов, печать эта не стоит ни гроша, но, по крайней мере, хоть этим немногим органам внушил бы он — даже не то, о чем им следует говорить, а о чем им надо молчать. Авсеенко — человек крайне тщеславный; если бы г. Гирс призывал его иногда к себе, то он был бы вполне доволен этой честью и охотно слушался бы его.

В прошлом году получил я подробную и в высшей степени интересную записку из Берлина о немецкой печати. Она содержит много поразительных указаний на то, как дисциплинированы в вопросах иностранной политики даже органы, враждебные германскому правительству. А у нас дадут Авсеенко деньжонок и считают дело конченным — пусть себе мелет какой ему угодно вздор.

Примите уверение в глубоком уважении искренне преданного

Е. Феоктистова

12 марта 1885 года

(«К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, 2. стр. 533—534).

Н. К. Гирс писал: «Говоря о статье «СП[етербургских] вед[омостей]», князь Бисмарк сказал мне, что газета эта раскритиковала его заметку в Norddeut[sche] Allg[emeine] Zeit[ung], даже не прочитавши ее в том виде, как она была редактирована в немецкой газете, и что если он опубликовал статью в своей официозной газете, то сделано это, чтобы опровергнуть утверждения либеральных немецких газет, уверявших, что сын его Герберт был послан в Англию для урегулирования Афганского вопроса. Князь Бисмарк добавил, что вообще его позиция по отношению к русской прессе сообразовалась бы с тем, чего бы мы от него пожелали и что он лично считал наилучшим хранить, — если бы мы разделяли это мнение, — полное молчание, ибо все, написанное им, могло бы быть истолковано русскими газетами в неблагоприятном для него смысле. Его обвиняли бы либо в том, что он втягивает нас в войну с Англией, либо в том, что он нас от этой войны удерживает, либо в желании вмешаться не в свое дело» (перевод с французского).

Говоря о редакторе «СПетербургских ведомостей», Василии Григорьевиче Авсеенко (1842—1913), Феоктистов мог твердо надеяться, что его беседа с ним и «советы» не останутся без следа: ибо еще в 1883 г., именно при посредстве Феоктистова, Авсеенко получил правительственную субсидию на издание своей газеты (см. «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, 2. М. 1923, стр. 462) и таким образом был даже обязан выполнять предписания правительственных органов, в частности Феоктистова.

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Читал я в газетах о решении Кассац[ионного] Д[епартамен]та, что всякие объявления м[огут] быть помещаемы в бесцензурных изданиях без цензуры; а сегод[ня] [П. А.] Грессер подтвердил мне, что это известие верно. Едва ли этому так быть следует, и стоило бы, кажется, возбудить о сем

вопрос и внести в Комитет Министров, дабы парализовать наплыв скандалов в объявлениях. Сегодня я заходил было к вам поговорить об этом, но не застал вас.

Душевно пред[анный]

К. Победоносцев

16 марта 1885

На этот запрос Феоктистов тотчас же поспешил успокоить своего корреспондента, разъяснив ему (со слов сенатора Фукса, «который принимал участие в рассмотрении этого дела»), что «газеты врут». В действительности, пишет Феоктистов, «кассационный департамент решил было против нас (т. е. главного управления), в том смысле, что признал ответственным за объявления не редактора (как мы настаивали), а издателя — и только. Вопрос же о бесцензурности он совершенно оставил в стороне» («К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, 2. М. 1923, стр. 533).

Грессер, Петр Аполлонович (1832—1829), был в 1883—1892 гг. петербургским градоначальником.

20

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Я уже просил вас, и вы обещали написать [В. В.] Назаревскому, чтобы он не пропускал в «Востоке» статей и корреспонденций из Тифлиса и Грузии. Все эти статьи дело самой дурной партии, стремящейся осыпать наветами и бранью экзаршеское управление. Они рассчитаны главным образом на местную публику, в которой получающийся из Москвы № газеты со статьей эксплуатируется для известной агитации. Я получаю от Экзарха и от К. Дондукова горькие жалобы на действие подобных статей.

Другой орган, выбранный для подобной же агитации—это «Современные известия». Посмотрите в нынешнем 88 № фельетон. Он очевидно писан с тем же расчетом, представляя в виде предсудит[ельном] для начальства крайне возмутительную историю мерзавца Джибладзе, исключенного из заведения: он бросился на ректора, повалил его, таскал за волосы и пр. История такая, что три дня тому назад испрошено мною выс[очайшее] повеление—отдать Джибладзе на 2 года в дисциплинарный баталион военного ведомства.

Рассудите, какой вред приносят подобные статьи, рассчитанные на возбуждение неповиновения начальству, и без того уже эпидемически распространившегося, особенно на Кавказе.

Признаюсь, когда бы от меня зависело, я не задумался бы дать «Современным известиям» предостережение за помещение такой статьи, хотя в острастку другим.

Прибавлю, что доклад о принятии меры против Джибладзе был сделан по соглашению с М[инистерством] Вн[утренних] Дел М[инистерством] Нар[одного] проsv[ещения].

Душ[евно] пред[анный]

3 апр[еля] 1885

К. Победоносцев

Упомянутая корреспонденция некоего К. К. «Из Тифлиса» («Современные известия», 1885, № 83, 2 апреля) рисует самое «преступление» исключенного семинариста (в корреспонденции он назван Финбладзе) в совершенно ином свете. «Преступник» поступил в семинарскую больницу с опасной опухолью на ноге. При нем оказалась какая-то книга Н. В. Шелгунова, которую он не пожелал отдать на требование семинарского начальства, за что был не только исключен из семинарии, но и выброшен, несмотря на протесты врача, из больницы. Не имея никакого приста- нища, больной, доведенный до полного отчаяния и иступления Джибладзе-Финбладзе, встретив ректора семинарии Чудецкого, накинулся на него и избил. «Говорят, — пишет корреспондент дальше, — для наведения вящего спасительного страха на загнанных семинаристов, духовное начальство, не довольствуясь примерным наказанием виновного, полагает исключить из семинарии значительное число учеников. Этому можно вполне поверить, так как исключение местным духовным на-

чалством практикуется с такою легкостью, что в единственной семинарии на весь обширный грузинский экзархат лишь около десяти учеников оканчивают курс, хотя в шести духовных училищах воспитывается не менее трех тысяч учащихся». Перечислив далее ряд конкретных фактов нестроения в Тифлисской семинарии, корреспондент заканчивает: «Вообще нынешнее состояние Тифлисской духовной семинарии требует тщательной ревизии со стороны полномочного, беспристрастного и пронзительного лица, могущего сказать всю правду, если бы она оказывалась горькою, хотя бы для самого епархиального начальства».

Насколько близко принял к сердцу Победоносцев проступок Джибладзе, показывает сохранившийся в его бумагах проект «всподданнейшего доклада» по этому делу. Победоносцев рекомендует царю «применить в настоящем случае строгую и скорую меру дисциплинарного взыскания в административном порядке». «Мера эта, — говорится далее, — необходима в особенности на Кавказе в виду особенного упорства, проявляющегося в последнее время в грузинской молодежи, упорства, которое при послаблениях распространяется, питаясь безумными фантазиями, и уже представляет немалое затруднение для правительства» («К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, 2. М. 1923, стр. 500). Дальнейшая судьба несчастного Джибладзе, загнанного в дисциплинарный батальон, неизвестна.

Упоминаемый в письме Победоносцева Назаревский, — московский цензор, впоследствии (1897—1900) председатель Московского Комитета по делам печати, крайний реакционер и доноситель (в архиве Главного Управления по делам печати сохраняются его доносы даже на таких благонамеренных с точки зрения царского правительства лиц, как издатель «Русского архива» П. И. Бартенев и др.). Князь Дондуков-Корсаков, Александр Михайлович (1820—1893) — главный начальник гражданской части на Кавказе и командующий войсками Кавказского округа.

Письмо Победоносцева имело своим последствием приостановку издания «Современных известий» сроком на один месяц.

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Не вздыхайте, что часто надоедаю вам ради общей пользы.

Вот что пишет мне С. А. Рачинский:

«Видели ли вы новый роман [Э.] Золя: «Germinal»? Эта книга заслуживает внимания. Перевод ее на русский язык нужно безусловно запретить. Знаете ли вы, что романы Золя переводятся наперерыв на шими толстыми журналами, и с жадностью читаются сельским духовенством и фабричным людом? «Germinal» быть может лучшее, что написал Золя. Это история стачки, совершенно сходная с теми, которые на наших глазах разыгрываются на наших фабриках. Написано это грязью и кровью и пропитано убеждением в близости и законности всемирной социальной революции. Герой русский нигилист, в коем не трудно узнать [Л. Н.] Гартмана. Перевод ни с какими пропусками не м[ожет] б[ыть] допущен. Оригинал безвреден—франц[узский] язык у нас вымирает. Не удивляйтесь этому предостережению. Ведь была же «Nana» запрещена в подлиннике и разрешена в переводе».

Итак—caveant consules. Действительно, надлежало бы, кажется, употребить все меры, чтобы «Germinal» не являлся в русском переводе.

Душ[евно] пред[анный]

К. Победоносцев

12 апр[еля] 1885

Письмо это было опубликовано в примечаниях к «Воспоминаниям» Феоктистова (стр. 235—236).

В то время, когда Победоносцев писал свое письмо, русский перевод «Жерминаля» уже печатался в «Наблюдателе», при чем цензура уже обратила внимание на социальный характер романа. Так, в марте 1885 г. Петербургский цензурный комитет, в донесении Главному Управлению по делам печати, отмечает в мартовской книжке журнала, между прочим, следующее: 3) «В романе Золя «Жерминаль» картины распущенной жизни женщин на фабрике (стр. 95, 97, 104, 148, 149, 160, 151) сменяются рассуждениями о братстве, равенстве и одинаковом доступе к пользованию земными благами (стр. 98, 110, 112—114, 116, 118, 124, 145—148).—Стремления, характеризующие анархистов, ясно высказаны на стр. 124: «Для на»

чала взорвать на воздух вот эту тюрьму, в которой вы все изнываете», и эти слова принадлежат русскому по фамилии Суварину. В подлиннике прямо говорится, что это русский нигилист. Он подстрекал зажечь строения Борё. На стр. 158 один из героев романа, республиканец Негрель, говорит: «Вы ничего не делаете и живете чужим трудом. Наконец, вы представитель позорного капитала и этого для них вполне достаточно. Поверьте, если революция восторжествует, то она отберет ваши деньги как краденые». На стр. 112: «Как! рабочий даже не смеет рассуждать!.. Потому-то богатые, которые теперь властвуют, и могли занять свое положение, могли продавать и покупать рабочего и жиреть от его мяса, а он даже и не догадывался об этом» (Дело Главн. упр. по делам печати 1881, № 42, лл. 80 об.—81). В докладе Петербургского цензурного комитета 13 мая 1885 г. по поводу пятой книги «Наблюдателя» снова указывается «на перевод романа Золя «Жерминаль», который, несмотря на сделанные редакции Главным Управлением по делам печати предупреждения быть особенно осторожным при печатании этого произведения [предупреждения эти очевидно делались устно, так как в делах никаких следов их не оказалось.—И. А.], очень мало ослаблен в сравнении с подлинником, а потому действия редакции противоречат указаниям высшего цензурного ведомства» (там же, л. 83). Несомненно печатание «Жерминаля» послужило одною из действительных причин объявленного вскоре (19 мая 1885 г.), в второго предостережения «Наблюдателю»: в самом «предостережении» об этом, правда, не упоминается, но в составленном по сему поводу «всеподданнейшем докладе» (23 мая 1885 г.) говорится, что «в журнале «Наблюдатель» помещается, несмотря на сделанное редактору предупреждение, перевод крайне демократического по содержанию романа Золя «Жерминаль» (там же, л. 87 об.), а в черновике доклада следует выпущенное затем окончание фразы: «почти в полном объеме, с самыми несущественными изменениями в сравнении с подлинником» (там же, л. 89 об.).

Упоминаемый в письме Победоносцева Гартман, Лев Николаевич (1854—1908), народоволец, участник покушения на Александра II (взрыв на Московско-Курской ж. д. 19 ноября 1879 г.), скрывшийся затем за границу. В начале 1880 г. был арестован в Париже и лишь по настояниям французской прогрессивной и социалистической печати не был выдан России, а лишь выслан из Франции. В социалисте Суварине Золя не стремился к портретному сходству с Гартманом (Суварин — анархист, ученик Бакунина и Кропоткина, участник покушения на шефа жандармов Мезенцева), хотя, возможно, что в этом образе отразились и некоторые портретные черты Гартмана; см. комментарий М. Эйхенгольца к «Жерминалю» (ЗИФ 1929, стр. 633—634).

22

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Сегодня, в частном со мною разговоре, [Н. К.] Гирс, между прочим, отзывался с прискорбием и с удивлением о поступке редакции «Нового времени», намеренно, повидимому, извратившей смысл документа, в порицание Министерству. Это обстоятельство стóбит внимания: если поедете завтра из дому, не завернете ли ко мне?

А «Восток» не унимается, а [В. В.] Назаревский продолжает быть курицей. Стоило ему обратить внимание на тон этой заметки, в коей гнусно то, что вина мнимой несправедливости обращается на экзарха, которому и без того житья нет от негодаев. Конечно, эти слова отзовутся в Тифлисе.

15 апр[еля] 1885

Душ[евно] пре[данный]

К. Победоносцев

«Прискорбие» и «удивление» Н. К. Гирса (1820—1895), министра иностранных дел (1882—1895), касались ряда статей в «Новом времени» относительно так называемого «афганского инцидента» между Россией и Англией, инцидента, едва не приведшего к военным действиям. Таковы, например, статьи «Мир или война?» («Новое время», 1885, № 3274, 11 апреля), «Невозможные требования» (№ 3275, 12 апреля), Нето, «Куда мы идем? Письмо в редакцию» (там же), «Старые ошибки» (№ 3276, 13 апреля), «По поводу письма Нето» (№ 3277, 14 апреля), Нето, «Кому польза? Письмо в редакцию» (там же) и др.

Говоря о «Востоке», Победоносцев очевидно имеет в виду заметку, излагающую окончание инцидента с Финбладзе-Джибладзе, т. е. отлачу последнего в дисциплинарный батальон «Восток», № 316, 12 апреля, стр. 301). Негодование Победоносцева было удовлетворено цензурной карой—запрещением розничной продажи «Востоку». По этому поводу в архиве Феоктистова сохранилось любопытное письмо Т. И. Филиппова (20 апреля 1885 г.), взявшего под свою защиту редак-

тора-издателя «Востока» Н. Н. Дурново. «Грузинский вопрос совершенно особенный, — доказывал Филиппов своему корреспонденту, не без оснований предполагая, что письмо это делается известным и самому Победоносцеву, против которого оно направлено, — привязать их [т. е. грузин. — И. А.] к России или, вернее, охранять их преданность нам можно и должно покровительством их языку и еще более — их народному клиру. Применение к друзьям таких мер, которые годились бы, может быть, для врагов, есть преступная ошибка и против друзей и против себя».

Как видно из этого письма, а также из писем Победоносцева, «возвышение и укрепление православия» на Кавказе (одно из непосредственных проявлений общей колонизаторской политики царского правительства) проходило далеко не гладко.

23

Сегодня вы заходили ко мне, многоуважаемый Евгений Михайлович, но я был, к сожалению, задержан в Гос[ударственном] Совете.

Сколько уже я получил писем по поводу Верещагинской картины и статей об ней в русских газетах. Простые люди не могут до сих пор понять, что у нас так назыв[аемая] свобода печати.

Посылаю вам на образец только что полученную бумагу. Требование просителя, очевидно, не имеет прямой юридической основы.

Но глупые наши газеты не имеют такта понять, что не все, что печатается во Франции, может быть, без соблазна, передаваемо по-русски. И я с своей точки зрения думаю, что за подобные бестактности стоило бы газету изъять из розничной продажи, — т. е. признать ее неудобною к распространению на публичном рынке.

Душ[евно] пре[данный]
К. Побед[оносцев]-

18 нояб[ря] 1885

Победоносцев несомненно имеет в виду вторую венскую выставку (1881) картин художника Василия Васильевича Верещагина (1842—1904). Здесь, между прочим, была выставлена большая серия (54 картины) палестинских картин и этюдов, 1883—1884 гг. Среди них привлекли к себе внимание католической печати две картины на евангельские темы: «Святое семейство» и «Воскресение Христово». Венский архиепископ, кардинал Гангльбауэр опубликовал в газетах протест против них, в котором утверждал, что «эти две картины, основанные на библейских текстах, цитированных тенденциозно и истолкованных ложно, в ренановском смысле. — эти картины поражают христианство в его основных учениях и недостойным образом стараются подорвать веру в искупление человечества воплотившимся сыном Божиим; он «торжественно и во всеуслышание» протестовал против содержания этих двух картин «и против недостойного их посягательства на христианство», и обращался «к верующим католикам с увещанием» не посещать выставки, не принимать участия «в этом кощунстве». Верещагин возразил печатно же, что картины его ни в чем не противоречат евангелию, и в подтверждение своих слов сослался на тексты. «Если же, — писал он, — католическая церковь находит его картины еретическими, то это значит, что она сама удалась от истинного евангельского учения» (Ф. И. Булгаков, «В. В. Верещагин и его произведения». СПб. 1896, стр. 87—90). Эта полемика вышла далеко за пределы Вены, сделалась достоянием всей европейской и даже мировой прессы; в частности о ней, в весьма сочувственных выражениях, писало большинство русских либеральных газет, что и послужило поводом для вмешательства Победоносцева.

24

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Я прочел статью [И. С.] Аксакова и продолжаю держаться того мнения, что всего лучше пропустить ее спокойно и не давать за нее предостережения.

Сейчас Д. Ф. Тютчева прислала мне письмо к ней Аксакова. Он между прочим пишет, что если будет новое предостережение, то он закроет газету.

Анна Ф. [Аксакова] советовала ему сделать это после первого; но он непременно хотел на него ответить.

Душевно пред[анный]

К. Победонос[цев]

7 дек[абря] [1885]

Речь идет о протесте И. С. Аксакова против цензуры: в 1885 г. его газета «Русь» получила предостережение за «обсуждение текущих событий тоном, несовместимым с истинным патриотизмом, и за стремление возбудить неуважение к правительству, доказательством чего служит статья в № 21». Предостережение это было напечатано в № 22 газеты; в № 23 же Аксаков поместил свой протест, написанный в не совсем обычном для русской печати тоне. «Повинуясь закону, — писал Аксаков, — мы поместили в прошлом № данное «Руси» предостережение без всяких с нашей стороны примечаний и пояснений. Предостережение это нам было доставлено помощником частного пристава через несколько дней после того, как уже телеграф оповестил о нем всю Европу к великому торжеству австрийских газет. Благоразумнее, быть может, было бы и теперь оставить вовсе без огорок это официальное назидание, но в нем есть нечто необыкновенное... Нам брошено в лицо обвинение в недостатке патриотизма. В статьях 12—30 цenz. устава перечислены все провинности печати, которые могут служить поводом для принятия упомянутой меры, но ни о патриотизме вообще, ни о патриотизме истинном в этих статьях нет ни слова, ни даже намек. Меняться нам поздно, да и не подстать... мы не расположены, да и не сумели бы... Правительство может закрыть нашу газету..., но пока мы держим перо в руках, оно будет все тем же независимым и искренним, и уже несомненно истинно-патриотическим». Вслед за этим протестом следовала статья об иностранной политике — в том же тоне, что и предыдущая. Замечания и советы Победоносцева, повидимому, показали Феоктистову убедительными, так как эта бравада Аксакова была обойдена молчанием; особенно «убедительными» должны были показаться Феоктистову ссылки на жену Аксакова — А. Ф. и ее сестру, Д. Ф. Тютчеву, — влиятельных при дворе фрейлин.

25

Удивляюсь решительности г.г. редакторов. Я никогда не решился бы взять на свою совесть опубликование драмы «Раскольников», напечатанной в 1 книжке «Русского архива», у [П. И.] Бартенева. Стоит обратить внимание. Прочтите, начиная с 93 страницы по 122-ю. Вещь замечательная, — и для человека образованного и мыслящего поучительная. Но простого человека может совсем сбить с толку.

Я забочусь только вот об чем: как бы, ради эксплуатации, Бартенева не пустил гулять эту вещь в отдельном издании. Тогда, в руках у сектантов, как у г. [Л. Н.] Толстого, у пашковцев и т. под., она может стать опасным орудием.

По Костромской бумаге, вами присланной, я требую откуда следует сведений. С «Костр[омскими] ведомостями» у нас давно нечто неладное.

К. Побед[оносцев]

Речь идет об «историко-бытовой драме в пяти действиях А. Д. Улыбышева «Раскольников» (Русский архив 1886, № 1, приложение, стр. 1—154), напечатанной в дополнение к биографическому очерку Александра Дмитриевича Улыбышева (1794—1858), составленному А. Гапизским. Предчувствие возможных цензурных преследований заставило издателя «Русского архива», П. И. Бартенева, сопроводить драму примечанием о том, что «драматическое произведение Улыбышева принадлежит вполне давно прошедшей истории нашего внутреннего быта. Оно писано слишком 35 лет тому назад [в 1850 г. — И. А.] отношения и мнения в нем изображенные, устранены мероприятиями прошлого царствования и отошли уже в спокойную область прошлого» (Русский архив 1886 № 1, стр. 68). Публикуемое письмо Победоносцева достаточно красноречиво убеждает в противном: несмотря на «мероприятия прошлого царствования» тема о расколе была в середине 80-х годов столь же злободневна и остра, как и в начале 50-х. Страницы, привлечшие внимание Победоносцева (93—122), заняты сценой «при раскольнике Филимоча Абамова с Неизвестным на специфические раскольничье-духоборские темы. Отдельным изданием драма Улыбышева не выходила, и, сколько известно, вообще прошла совершенно незамеченной.

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Прочтите прилагаемое письмо [Н. П.] Гилярова. Газете его поделом, но мне помнится, по словам вашим, запрещение было вызвано не фельетоном «Греховодники», а другим каким-то мерзким рассказом.

Но обратите внимание на подчеркнутые строки. Гиляров пишет «Являлся ко мне». Если так, то нехорошо и указывает на связь с людьми богатыми, но развратными и, к сожалению, покровительствуемыми властью. — По этому предмету, т. е. по обличению федосеевцев-бракоборов, статьи Гилярова были для меня сюрпризом, и я за то похвалил его.

Что мос[ковский] об[ер]-полиц[мейстер] и сам [В. А.] Долгоруков готовы защищать этих негодяев,—это, к прискорбию, не удивляет меня.

Но помнится, повторяю, что здесь в Гл[авном] Управлении причина запрещения была иная.

Душевно предан[ный]

К. Победоносцев

2 мая 1886

Длиннейший роман «Греховодники. Рассказ из жизни федосеевцев и филипповцев» печатался в «Современных известиях» фельетонами, начиная с № 51 за 1885 г. Под первыми фельетонами были выставлены инициалы: Д. И. В.; дальнейшие — шли без подписи. Подлинные мотивы запрещения розничной продажи «Современным известиям» не были объявлены издателю — Н. П. Гилярову-Платонову. Из письма Победоносцева можно заключить, что Гиляров был склонен объяснить это запрещение теми главами романа (например гл. LXXVIII: «Федосеевский катехизис» — «Современные известия» 1886, № 118, 2 мая), в которых шла речь о догматике раскола — объяснение неверное, ибо, как видно, Победоносцев остался как раз доволен изобличительным против сектантов характером фельетонов.

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

С некоторого времени стали появляться в газетах известия, очевидно с намерением сочиняемые, о перемещениях архиереев с одной епархии на другую или вовсе об увольнении. Известия эти, — направляемые иногда не без намерения, производят немалую смуту, когда получаются в печатном виде на местах. Был уже случай, что подобное известие так подействовало на больного и старого воронежского архиерея, что ускорило его кончину.

Помнится, что по просьбе моей было уже сделано Главным Управлением внушение редакциям газет — не печатать подобных известий по безличным слухам.

За всем тем в последнее время подобные публикации стали повторяться. Прилагаю № «Новорос[сийского] телеграфа», где напечатан слух о перемещении, не имеющий ни малейшего основания и предполагающий отставку здешнего митрополита. Это известие успело уже произвесть смуту.

Желательно было бы устранить возможность появления печатных сплетен о перемещении высокопоставленных лиц.

Кроме того, долгом почитаю обратить внимание ваше на вред, происходящий от печатания известий, тоже основанных на слухах, о беспорядках, случающихся в учебных заведениях, особливо закрытых.

Распоряжение Главн[ого] Управления по этому предмету также не соблюдается. Так, недавно почти все газеты одна за другою перепечатали известие о взрыве печи в квартире инспектора духов[овной] семинарии в Могилеве. Случай этот произошел в подражание подобному же происшествию, бывшему несколько лет тому назад в Воронеже. Теперь оглашение могилевского происшествия может возбудить к подражанию и в других местах.

Душ[евно] пред[анный]

К. Победоносцев

17 д[екабря] 1886

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Недавно я писал вам о том, как вредно действуют печатаемые в газетах (иногда не без цели) слухи о перемещениях и увольнении архиереев.

Сегодня в «Новом времени» опять появилось известие о назначении преосвященного Палладия в Тифлис на место экзарха Павла. Это повторение вздорного известия тем более неприятно, что связано с интригой, волнующею местное общество.

Из статьи [А. С.] Суворина видно, что драма [Л. Н.] Толстого не лишена вероятности пропуска на сцену. Неужели правда?

Душ[евно] пред[анный]

К. Победоносцев

5 янв[аря] 1887

Ответ Феоктистова:

Глубокоуважаемый Константин Петрович,

Еще в прошлом месяце, не прибегая на этот раз к циркулярам, я приглашал к себе некоторых редакторов и говорил им, чтобы они воздерживались повторять слухи о назначениях. Но что делать, — кажется, их от этой болячки ничем не излечишь. Сколько, например, писано было о назначении [И. А.] Вышнеградского. Если, в виду этого упорства, прибегнуть к строгим мерам, то ведь, пожалуй, зацепишь тех, кого не хотелось бы карать. «Гражданин» [В. П.] Мещерского более, чем какая-либо другая газета, усердствует в распространении известий, которые оказываются неосновательными; в «Дневнике» каждого №-ра можно встретить что-либо подобное. Я уже недоумеваю, как тут поступить.

Помилуйте, в статье Суворина я не увидел намека на то, что драма Толстого может еще быть допущена на сцену. Напротив, это диатриба против меня, зачем мы дерзнули драму запретить. Или, быть может, автор так переделал свою пьесу, что черное делается белым, но на этот счет мы не имеем никаких сведений. Я воздержался от всяких сношений с графом Толстым и ограничился лишь официальным извещением, что драме его нет места на сцене. Но вот ведь как у нас делаются дела! Князь Мещерский сам говорит, что не читал пьесы, но это не помешало ему вчера сказать о ней несколько сочувственных слов.

Глубоко уважающий и искренно преданный

Е. Феоктистов

5 января 1887

(«К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, 2. М. 1923, стр. 597: дата напечатана неверно: 1886).

В упоминаемой Победоносцевым статье «По поводу драмы Л. Н. Толстого» («Новое время», № 3898, 5 января) А. С. Суворин заявлял, после ознакомления с рукописью «Власти тьмы» (называвшейся в то время еще «Коготок увяз, всей птичке пропасть»), что «эта драма одно из тех высоких произведений, которые остаются вечными, ибо глубоко захватывают быт народный и народные характеры», что «по этой драме можно судить, что граф Толстой обладает строем драматического изложения жизни в таком же совершенстве, как и строем этой жизни в этическом. Он такой же великий романист, как и драматург, и форма драмы, не столь свободная как форма романа, явилась в его руках послушным орудием».

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Нет сладу с Ник. Гиляровым. Его газета становится складочным местом всевозможных сплетен и инсинуаций изо всех углов России — корреспонденты его отовсюду шлют поповские дрязги и пересуды, и он все, не разбирая, печатает. Недавно еще, несмотря на официальное опровержение, он печатал всевозможные сплетни московских трактиров об Успенском соборе, о взятии ризы господней в Петербург и т. под.

Вот, сегодня нахожу у него фельетон самого дурного качества, о грузинской церкви. «Современные известия» становятся органом юной Грузии, распускающей самые нелепые сплетни о русской церковной власти и о

несчастном экзархе, коего чистые намерения делают жертвою всей грузинской сволочи. Статьи этого рода, появляясь на месте, поддерживают волнение самого дурного качества.

Право, стоило бы еще проучить его, запретив ему розничную продажу.

Душевно пред[анный]

К. Победоносцев

16 янв[аря] 1887

Возмущение Победоносцева вызвала корреспонденция Н. Н. «Преобразования в грузинской церкви» («Современные известия» 1887, № 14, 15 января). Рядом фактов корреспондент подчеркивает пренебрежение руководителей грузинской церкви к языку народа, систематическую и сознательную руссификаторскую тенденцию синодальных властей. «В каких видах русское церковное правительство (особенно в настоящее время) усиливается вводить в грузинской церкви церковно-славянский язык и лишило Мингрелию и Гурию права иметь своих епископов... делая грузинский народ... индифферентным к церкви,—никто из грузин не скажет. Да и русские, искренне любящие Россию, едва ли способны понять эту церковную политику, в виду того особенно, что одновременно с тем армяне в том же Закавказском крае свободно употребляют свой язык в церкви, имеют своего католикоса, архиереев, священство, духовные: академию, семинарии и школы с своими учителями». «К грузинской народности,—замечает корреспондент,—применяется то же, что к румынской в Бессарабии»; «такая политика не может приблизить к России родственные ей по вере народы». По неизвестным причинам, на этот раз требование Победоносцева о запрещении розничной продажи «Современных известий» не было выполнено; газета, впрочем, вскоре прекратилась сама после смерти Н. П. Гилярова-Платонова, покончившего самоубийством 13 октября 1887 г.

30

Конфиденциально

Получив от вас книжку с драмой [Л. Н.] Толстого и прочитав, я возмущился не менее вашего мыслью о представлении ее на имп[ераторских] театрах. Стал всячески доказывать вред от этого. Но сейчас получил непосредственно сверху удостоверение, что «давать драму на имп[ераторских] театрах не собирались, а были толки о пробном представлении без пубрики, чтобы решить, возможно ли ее давать или совершенно запретить». Обратите внимание на это выражение были толки. Оно не согласуется с категорическим заявлением [Н. В.] Всеволожского, о коем вы пишете. Я уже испытал не раз, как эти господа распоряжаются случайным отзывом государя, интерпретируя его как высоч[айшее] повеление.

Это может пригодиться вам на будущее время при сношениях.

Но я и того не понимаю, зачем разрешили печатать эту книжку [И. Д.] Сытину за 10 копеек. Ведь ее суют в руки на всех перекрестках, и, конечно, она гуляет теперь по рукам во всех учебных заведениях.

Душевно пред[анный]

К. Победоносцев

19 февр[аля] 1887

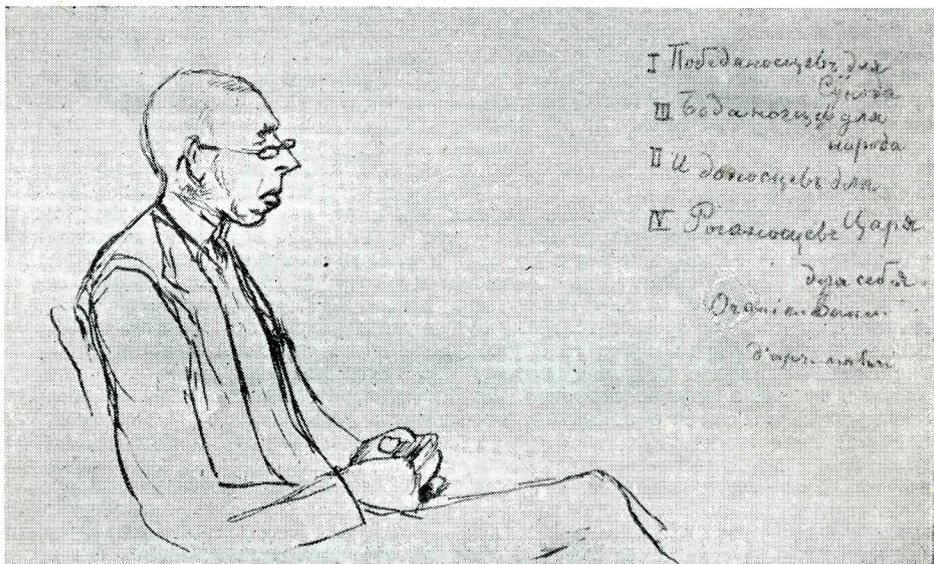
Письмо было опубликовано в примечаниях к «Воспоминаниям» Феокистова (стр. 283).

Цензурная история «Власти тьмы» неоднократно уже привлекала внимание исследователей и публикаторов (А. С. Поляков, «К истории постановки «Власти тьмы» — «Бирюч» 1918, № 7—8, стр. 144—150. П. П. Гнедич, «Феокистов и «Власть тьмы» — «Бирюч» 1918, № 4, стр. 62—64; Ф. Раскольников, «Цензурные мытарства Толстого-драматурга» — «Красная новь» 1928, № 11, стр. 135—139; Воспоминания Феокистова и примечания к ним. Ю. Г. Оксман, — стр. 242—244, 282—283 и др.). Здесь мы сгруппируем, кроме того, и кое-какой свежий документальный материал, преимущественно по материалам архива Феокистова.

Как записал Феокистов в своем дневнике (29 марта 1887 г.), «впервые привез ее [т. е. драму.—И. А.] ко мне Сергей Татищев и просил меня ознакомиться с этою пьесой совершенно частным образом. Я так и сделал, и нашел, что для сцены она невозможна. Тогда Татищев взял ее у меня обратно. Следовательно, «Власть тьмы» не была в настоящем смысле слова подвергнута рассмотрению драматической цензуры. Между тем, началась усиленная агитация по ее поводу: приехав-

ший из Москвы Стахович читал ее повсюду, даже в аристократических салонах, и великосветские барыни, слушая эту мерзость, приходили в восторг, проливали слезы умиления» (Дневник Е. М. Феоктистова за 1886—1887 гг., лл. 14—14 об.).

В этой своей записке Феоктистов допускает очевидную ложь: из письма В. Г. Черткова (который и стоял за спиной всех великосветских почитателей Толстого, хлопотавших о пьесе) к Л. Н. Толстому (2 января 1887 г.) совершенно очевидно, что Феоктистов не просто «ознакомился» с «Властью тьмы» «частным образом», но «сам взялся цензуровать и сделал такие помарки, при которых первоначальная редакция 4-го действия совсем кастрирована, но вариант и все остальное не испорчено. Все резкие ругательства — вроде «пес» — вычеркнуты. Место о банке все обчерчено. (М. В. Муратов, «Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков по их переписке». М. 1934, стр. 142). Чертков же, через свою мать, организовывал и упоминаемые Феоктистовым чтения пьесы. Одно из следующих чтений состоялось у самого Воронцова-Дашкова, и на нем присутствовал сам Александр III, также оставшийся пьесой вполне довольным. Феоктистов, правда, говорит о «за-

К. П. ПОВЕДОНОСЦЕВ

Шарж работы К. Липгарта
Частное собрание, Москва

труднительном положении» царя, — «с одной стороны, он видел, что дело не ладно, а с другой, его уверяли, что народился новый Шекспир, что во всей европейской литературе нельзя найти такого перла как «Власть тьмы» (Дневник, л. 14 об.). Благожелательное отношение царя как будто окончательно решило вопрос о постановке «Власти тьмы». Как записывал позднее в дневнике своем Феоктистов, «Всеволожский [директор императорских театров. — И. А.] тотчас же с восторгом известил об этом нашего драматического цензора Фридберга.

И вот начались приготовления, доходившие до безобразия. Так как предполагалось, что драма происходит в Тульской губернии, то посылали туда живописцев, чтобы рисовать декорации именно тульских, а не каких-нибудь других крестьянских изб, собирали тульских баб, чтобы шить сарафаны, — словом, хотели изумить мир постановкой, вполне достойной великого произведения. Газеты сообщали известия об этом публике, — я не верил газетам, но потом Н. С. Петров, помощник Воронцова-Дашкова, подтвердил мне все это. Достоинство драмы, говорили ее поклонники, заключается в ее реализме, а потому строгий реализм — главнейшее условие и при ее постановке. Остряки уверяли даже, что Театральное ведомство обратилось к почетному опекуну Кидошенкову с бумагой, в которой, ссылаясь на то, что между питомцами Воспитательного ведомства господствует страшная смертность, что несчастные дети мрут как мухи, спрашивали, не согласится ли Кидошенков пожертвовать ребенком, по крайней мере для первого представления: что могло бы быть реальнее, как задушение настоящего живого младенца пред взорами восторгающей публики» (Дневник, лл. 14, об.—15).

Все эти подготовительные работы, так враждебно иронически охарактеризованные Феоктистовым, заняли, впрочем, очень немного времени: чтение драмы у Воронцова-Дашкова в присутствии царя происходило 27 января 1887 г., а уже в середине февраля в дело вмешался Победоносцев, при ближайшем участии Феоктистова, очевидно считавшего себя обойденным в вопросе разрешения драмы, ближайшим образом касавшегося его ведомства. 10 февраля 1887 г. Феоктистов писал Победоносцеву: «При последнем свидании вы изволили говорить, что не успели ознакомиться с пресловутой драмой графа Л. Толстого. — Посылаю ее при сем. Она представляет особый интерес в виду того обстоятельства, что старания некоторых господ увенчались полным успехом. Вчера г. Всеволожский объявил нашему цензору г. Фридриху, что государь император приказал поставить пьесу графа Толстого на сцене императорских театров. Глубоко скорбю об этом, ибо никак не могу изменить свое мнение о ней». («К. П. Победоносцев и его корреспонденты» т. I, 2. М. 1923, стр. 687). А уже через несколько дней, 18 февраля, Победоносцев пишет Александру обширное послание, в котором настойчиво советует взять данное разрешение обратно. «Я только что прочел новую драму Л. Толстого, — начинает он, — и не могу притти в себя от ужаса. А меня уверяют, будто бы готовятся давать ее на императорских театрах и уже разучивают роли». «Искусство писателя замечательное, — но какое унижение искусства! Какое отсутствие, — больше того — отрицание идеала, какое унижение нравственного чувства, какое оскорбление вкуса! Больно думать, что женщины с восторгом слушают чтение этой вещи и потом говорят об ней с восторгом. Скажу даже: прямое чувство русского человека должно глубоко оскорбиться при чтении этой вещи». Как строгий mentor, как бывший наставник царя, Победоносцев учителью объясняет, что в драме «действующие лица — скотские животные, совершающие ужаснейшие преступления просто, из побуждений животного инстинкта, так же, как они едят, пьют и пьянствуют», что «не видать тут живого лица человеческого», что «у Толстого в драме даже страсти нет, нет у него и борьбы, а есть только тупое бессмысленное действие животного инстинкта». Он запугивает царя грядущим позором, каким должна явиться постановка «Власти тьмы»: «День, в который драма Толстого будет представлена на императорских театрах, будет днем решительного падения нашей сцены, которая и без того уже упала очень низко. А нравственное падение сцены — немалое бедствие, потому что театр имеет громадное влияние на нравы в ту или в другую сторону». Он рисует перед царем картины, как избранная публика высшего общества, как «дамы в роскошных туалетах смотрят на представление из чуждого им «мужичьего» мира, в котором живут и двигаются тоже люди, но похожие на животных», как «вся петербургская публика от мала до велика поянется в театр», как «дети, вернувшись домой, станут повторять со смехом и шутками слышанные ими в театре фразы и слова», как «драма Толстого облетит все... уездные и сельские сцены», как «отзовется такое публичное представление русского сельского быта у иностранцев и за границей, где вся печать, дышащая злобою против России, хватается жадно за всякое у нас явление и раздувает иногда ничтожные или вымышленные факты в целую картину русского безобразия» («Письма Победоносцева к Александру III», т. II, М. 1926, стр. 130—134; в черновой редакции напечатано в книге: «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, 2. М. 1923, стр. 648—650). Выводов из всех нарисованных ужасов Победоносцев не делал; он лишь «высказал все и облегчил свою душу»; эти выводы, впрочем, были настолько очевидны из патетического победоносцевского словоизвержения (недаром Т. Филиппов говорил: «Когда я слышу в церкви слова — пооще, вопиюще, взывающе и глаголюще, — то предо мною является фигура К. П. Победоносцева»), что их смог сделать даже ограниченный и тупой Александр. В письме к Победоносцеву 19 февраля 1887 г. (т. е. на другой же день по получении победоносцевского послания) он писал: «Благодарю вас, любезный Константин Петрович, за ваше письмо о драме Л. Толстого, которое я прочел с большим интересом. Драму я читал, и она на меня сделала сильное впечатление, но и отвращение. Все, что вы пишете, совершенно справедливо, и могу вас успокоить, что давать ее на императорск[их] театрах не собирались, а были толки о пробном представлении без публики, чтобы решить, возможно ли ее давать, или совершенно запретить. Мое мнение и убеждение, что эту драму на сцене давать невозможно, она слишком реальна и ужасна по сюжету. Грустно очень, что столь талантливый Толстой ничего лучшего не мог выбрать для своей драмы, как этот отвратительный сюжет, но написана вся пьеса мастерски и интересно» («К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, 2. М. 1923, стр. 643). Под свежим впечатлением этого царского письма, знаменующего резкий поворот в той цепи интриг, которая велась вокруг драмы Толстого, и написано печатаемое нами письмо Победоносцева к Феоктистову. Последний поспешил тотчас же выразить свое удовлетворение новым оборотом дела и заодно оправдаться против упрека в разрешении напечатать драму. «19-го же февраля он писал Победоносцеву: «Чрезвычайно рад тому, что известие, сообщенное Всеволожским

нашему цензору, не вполне подтверждается. А между тем, в газетах уже напечатано распределение ролей между актерами. Очевидно, это делается не без косвенного участия театральной дирекции.—Мы запретили пьесу для театра, но мне кажется, что запретить ее печатать не было достаточных оснований. Толстой не преподает в ней своих сумасбродных теорий; он не выставляет порок в обольстительном свете; правда, своею грубостью и цинизмом пьесы производит омерзительное впечатление, но она никого не собьет с толку. Другое дело сцена: было бы в высшей степени оскорбительно, если бы подобные вещи считали пригодными для императорских театров, и жаль, что граф Воронцов-Дашков и Всеволожский не понимают этого; иначе они не подали бы мысль о необходимости устроить какую-то пробу» («К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, 2. М. 1923, стр. 687).

Урок Победоносцева оказался внимательно заученным. В цитированном уже выше дневнике своем, Феоктистов записывает еще: «Сегодня (29 марта [1887 г.]) министр внутренних дел [Д. А. Толстой. — И. А.] прислал мне записку, поданную на высочайшее имя неким г. Палимпсестовым (из Москвы) о драме Льва Толстого и вообще об его последних произведениях. Государь, препровождая ее к министру, написал ему следующее: «Я переговорю с вами об этом при первом докладе. Надо было бы положить конец этому безобразию Л. Толстого; он чисто нигилист и безбожник. Не дурно было бы запретить теперь продажу его драмы «Власть тьмы»; довольно он уже успел продать этой мерзости и распространить ее в народе» (срв. также «Красный архив», т. I. 1922, стр. 417). Повидимому за этой резолюцией последовало и личное объяснение царя с министром, так как в архиве цензуры сохранилось собственноручное распоряжение по этому поводу Д. А. Толстого, не вполне совпадающее с текстом резолюции. «Покорно прошу вас, многоуважаемый Евгений Михайлович, — писал Д. А. Толстой Феоктистову 2 апреля 1887 г., — сделать распоряжение о воспрещении продажи драмы Льва Толстого «Власть тьмы» на улицах, по ярмаркам и по деревням через так называемых ходящих и офеней. Департаменту же Полиции сообщите о воспрещении ему самому [т. е., очевидно, Л. Н. Толстому. — И. А.] публичных чтений, а также и публичного чтения его произведений» (Дело Главного управления по делам печати «О сочинениях графа Л. Н. Толстого» 1887, № 36, л. 1). Это избирательное запрещение продажи «Власти тьмы» проводилось настолько выдержанно, что, например, владимирскому губернатору, препроводившему 10 экземпляров драмы, конфискованных в книжном магазине, была специально разъяснена сделанная им служебная ошибка (там же, лл. 8—9). Однако и после этого Феоктистов продолжал утверждать (правда, только наедине с самим собою), что он поступил правильно, разрешив печатание «Власти тьмы», всячески содействуя в то же время воспрещению ее сценической постановки. «Драма Толстого грязна и цинична, — записывал он в том же дневнике, — по-моему, в ней нет никаких достоинств, но в этой драме Лев Толстой воздержался от своих излюбленных теорий, он не проповедует ничего, что могло бы породить смуту в умах; если ему угодно было изобразить целый ряд чудовищных преступлений, то не в таком свете, чтобы это могло побудить кого-нибудь прибегнуть к ножу или яду. Палимпсестов утверждает, что, выставив в пьесе только злодеев, он опозорил русский народ, но заступаться за русский народ не приходится уже потому, что и сам Толстой и его приверженцы принадлежат к числу отчаянных народолюбцев» («Дневник», л. 15).

31

Не думаю, чтобы с нынешними законами о печати согласовалось оглашение разделения мнений по тому или другому вопросу в закрытых заседаниях высших госуд[арственных] установлений. Думаю, что если бы печать огласила происходившее в закрытом заседании суда, то учинила бы нарушение и подверглась бы взысканию. Тем более, казалось бы, должно подлежать тайне для печати происходящее в заседании Госуд[арственного] Совета. С этим оглашением может быть соединено, и соединяется мысль — бросить тень на то или другое мнение или лицо, в известном тенденциозном смысле.

Так, в настоящем случае, мнение меньшинства выставляется ретроградным. А оно утверждено. Ergo: представляется каждому делать вывод. Ныне все газеты стали бесцеремонно делать подобные оглашения, и при этом основанные нередко на сплетнях.

Не следует ли принять меры против этого?

А вот, вы недавно оказали благоволение «Рус[ским] ведомостям».

К. П.

«Благоволение» «Русским ведомостям» — вероятно намек на разрешение розничной продажи газеты (10 февраля 1887) после запрещения 20 октября 1886 г. Истинное отношение Феокистова к «Русским ведомостям» в достаточной мере характеризуется его словами, обращенными к представителю редакции, явившемуся для объяснений по поводу нового запрещения розничной продажи (за отсутствие в газете некролога Каткова): «Скверная газета: скверно говорит, скверно и молчит» (Вл. Розенберг, «Русские ведомости». Исторический очерк.— В сборнике «Русские ведомости» 1863—1913». М. 1913, стр. 34).

32

Посмотрите, какое курioзное упомoрачение в этом чествовании [С. Я.] Надсона. Любопытно о Герострате.

И гр. [Л. Н.] Толстого успел кто-то уверить, что это великий поэт.

[М. Н.] Катков доволен. Но не знаю, довольно ли научен после свидания. Я говорил ему, но при случае и вы скажите «Эй, завяжи на память узелок!».

Что бы ему «fortiter in re, suaviter in modo». А я в другой раз едва ли решусь мешаться в дело.

Душе[вно] пред[анный]

К. Побед[оносцев]

20 мар[та] [1887]

«Чествование Надсона» — очевидно поток некрологов поэта (Семен Яковлевич Надсон, 1862—20 января 1887), воспоминаний о нем, стихотворений, посвященных ему и пр., составивших целую книгу («С. Я. Надсон, Сборник журнальных и газетных статей, посвященных памяти поэта, с приложением портрета». СПб. 1887). Трудно сказать, на что именно намекал в своем письме Победоносцев: упоминания о «Герострате» (стихотворение Надсона) и об оценке творчества Надсона Л. Н. Толстым нам не встречались.

Вторая часть письма относится к окончательной ликвидации так называемого «катковского инцидента» («Воспоминания» Феокистова, стр. 250—255).

33

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Отправляюсь сегодня на неделю в Москву и в Смоленск. Вчера заходил к вам в правление ваше, но не застал вас. Слышу, что болезнь сына остановила отъезд ваш, и хотел удостовериться, что беспокойство ваше миновало.

Пеликан был у вас и получил надежду на получение цензорской должности. Не знаю, как и скоро ли это может состояться в ваше отсутствие.

Кары ваши — точно летняя проза.

«Ты скажешь — ветренная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила».

Едва объявлено «Современным известиям» запрещение розничной продажи, как уже и снято новым объявлением.

А между тем вчера, в «Совр[еменных] известиях» прочел я прескверный фельетон-памфлет на Миссионерское общество, ругня неприличная, направленная, очевидно, против церковного правительства и против Субботина. Не сомневаюсь, что это статья нарочито заказанная и купленная раскольниками московскими, Морозовым, Шибаевыми и К-о.

Душевно пред[анный]

К. Победоносцев

12 июня [1887]

34

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Простите, что я и отсюда беспокою вас.

Сейчас прочел в газете прилагаемое известие и сообщаю вам. [А. С.] Пругавин известный фантаст — и все, что он пишет, наполнено ложью в восхваление раскола. Это его хлеб, ибо из-за этого сочинения его расходятся в расколе и цитируются как авторитет. Очевидно, этот словарь рассчитан на то же, будет наполнен исторической ложью, бранью и клеветами на церковь и пр., и чрез это получит ход. Вред может быть немалый. Нельзя ли разведать, есть ли правда в этом известии, и затем распорядиться, чтоб книга была представлена в духовную цензуру, да поблости и за типографией.

Боюсь, что наши газеты раздуют нелепым образом болгарское дело и разведут опять смуту по России. В «Свете» [В. В.] Комаров уже распустил свои глупые фразы.

На днях уезжаю отсюда и в следующее воскресенье надеюсь быть в Петербурге. До свиданья.

Душевно предан[ный]

К. Победоносцев

Зальцбург 16 сент[ября] [1887?]

К письму приложена следующая газетная вырезка: «Известный писатель по части раскола, г. Пругавин, кончает свой труд «Словарь старообрядчества со времен царя Алексея Михайловича до вступления на престол Александра Александровича». Книги Пругавина под таким названием не существует. По всей вероятности, речь шла о вышедшей в том же году книге: «Раскол — сектанство. Материалы для изучения религиозно-бытового движения русского народа, собранные А. С. Пругавиным. Вып. I. Библиография старообрядчества и его разветвлений» (М. 1887).

По словам составителя, работа его имела целью «способствовать по возможности всестороннему выяснению вопроса о русском расколе—сектанстве»; вся работа была задумана в четырех выпусках: во втором должны были быть «классификация и характеристика всех сект и толков, из которых состоит раскол, старообрядчество и которые возникли на почве раскола». В третьем — «библиография сектанства мистического (хлысты, скопцы и т. д.) и рационалистического (духоборы, молокане, штундисты и т. д.)». В четвертом — «классификация и характеристика всех мистико-рационалистических сект (ересей)». Вследствие вмешательства Победоносцева издание остановилось на первом выпуске.

Пругавин, Александр Степанович (1850—1920), этнограф и публицист, знаток старообрядчества и раскола.

«Свет» — газета политическая, экономическая и литературная, издавалась в Петербурге с 1882 г. до самой революции 1917 г.; редактор-издатель Виссарион Виссарионович Комаров (ум. 1907). В течение ряда десятилетий «Свет» был типичным образцом бульварной, желтой прессы в России: реакционный по существу, он время от времени ронял либеральные фразы, привлекая к себе внимание цензуры и читателей.

35

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Обращаю внимание ваше на объявленные издания [Ф. Ф.] Павленкова. Все они одного духа: стоит поблости за ними, особливо за книгою М. Нордау.

Душевно предан[ный]

8 окт[ября] 1887

К. Победоносцев

9 окт[ября]. А вот какое извещение нахожу сегодня в «Русских ведомостях» о сочинении г-р. Толстого, которое уже отчасти известно по газетным статьям. Прикажете обратить внимание — *saveant consules*.

Флорентий Федорович Павленков (1839—1900) издал в 1887 г. книгу Макса Нордау «В поисках за истиной. Парадоксы» (СПб. 1887).

В «Русских ведомостях» (1887, № 277, 8 октября) напечатана следующая заметка: «В непродолжительном времени должно выйти новое сочинение графа Л. Н. Толстого, посвященное вопросу о смысле жизни. В основу этого сочинения положено сообщение, сделанное графом прошлою зимою в одном из заседаний Пси-

хологического общества и извлечение из которого было помещено своевременно в «Русских ведомостях». Только граф, работая в течение нескольких месяцев, совершенно переработал первый эскиз и дополнил его в таких размерах, что в настоящем виде он составит не менее 15 печатных листов. Продолжая жить в Ясной Поляне, граф поручил корректуру своего труда одному из своих знакомых». Труд этот — книга «О жизни», в виде первоначального эскиза прочитанная как доклад «Понятие жизни» (см. «Русские ведомости» 1887, №№ 73, 78; «Звезда» 1887, № 13; «Новое время» 1887, № 3973). Предупреждение Победоносцева имело соответствующие результаты: книга «О жизни» (М. 1888) была запрещена цензурой, уничтожена и в настоящее время является большой библиографической редкостью (А. Л. Бем, «Библиографический указатель творений Л. Н. Толстого». Л. 1926, стр. 38); перепечатки ее появились лишь за границей (например, издание М. К. Элпидина. Женева 1891), в России же были разрешены, со значительными купюрами, лишь главы «Любовь», «Страх смерти», «Страдания» («Последние главы из книги «О жизни». — Сочинения графа Л. Н. Толстого, т. XIII. М. 1890, стр. 269—339).

36

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

«Гражданин» начал печатать у себя ежедневно, кто ездит к государю в Гатчину. Я думаю, не следует допускать этого. Это может вести к неудобным толкам, заключениям и предположениям. До сих пор только «Правит[ельственный] вестник» печатал, кто представлялся государю в приемные дни, и затем уже газеты отсюда перепечатывали.

По моему мнению, нет никакого основания церемониться с «Гражданином».

Душ[евно] пред[анный]

К. Победоносцев

12 нояб[ря] 1887

Печатаю в «Гражданине» хронику поездок министров и придворных в Гатчину для представления Александру III, Мещерский имел целью лишний раз подчеркнуть свою близость ко Двору, свою совершенную осведомленность во всех придворных делах и событиях. Вопрос о неоглашении сведений относительно министерских докладов издавна беспокоил Победоносцева. Так, еще 21 мая 1881 г., по аналогичному случаю с «Голосом», он обращался к Н. П. Игнатьеву, восклицая: «И что за обычай у них завелся новый извещать, кто из министров был с докладом у государя» («Былое» 1924, № 27—28, стр. 54).

37

Вот, почтеннейший Евгений Михайлович, как вкоренилось у наших просителей лгать на одних начальствующих лиц перед другими. На меня же лгут немилосердно. Я испытываю едва не ежедневно.

Геруц был у меня 2 раза: весною и осенью, с усиленными ходатайствами, и всякий раз получал от меня один и тот же категорический ответ: «Я не могу никоим образом за вас ходатайствовать (чего он и добивался). Я хлопочу в Ценз[урном] упр[авлении] об изъятии некоторых брошюр [Л. Н.] Толстого, кои признаны вредными, а вы же говорите, что эту брошюру признает вредною Ценз[урное] упр[авление]. Судите сами, могу ли я теперь себе же противоречить, да притом и не знаю, о чем идет дело».

А он вот ссылается на меня в надежде, что ему на слово поверят.

Душев[но] пред[анный]

К. Победоносцев

20 нояб[ря] 1887

И кстати еще вот о чем.

Мне уже случалось говорить о неудобствах сохранять цензурные запрещения иностр[анных] книг прежнего времени, когда запрещалось все, где речь шла о революции, о царях и т. п.

Выходили странные и обидные аномалии.

Ныне пропускают книги даже очень вредные. А между тем напр[имер] нельзя спросить в книжной лавке Carlyle «Freuch Revolution», книгу, писанную на строгих нравств[енных] началах.

Недавно вышел франц[узский] перевод известного сочинения Карляйля: The Hero — характеристики знаменитых представителей авторитета в науке и в правительстве. Спрашиваю у Мелье, говорят, — запрещено, в цензуре лежит.

Да ведь оно в 60-х годах было напечатано в русском переводе!

И все сочинения Карляйля следовало бы освободить — все они проникнуты нравственным началом — до суровости!

А подумаешь: в русск[ом] переводе издан «Капитал» Маркса, одна из самых зажигательных книг!

Т. Карлейля (1795—1881) Победоносцев очень почитал, неоднократно, по различным поводам цитировал и даже в своем «Московском сборнике» поместил ряд выдержек в собственном переводе (стр. 264—268: Из Карлейля. I. Детство. II. Простое правило жизни. III. Воспитание. IV. Дело. V. Религия). 20 июля 1885 г. Победоносцев писал С. А. Рачинскому: «Мы читаем теперь книгу в высшей степени интересную и поучительную — биографию Карлейля, изданную Фрудом, Carlyle, His Lifme in London. Книга наполнена выписками из писем и дневников Карлейля. Видишь, что за душа была и что за ум. Любопытно и трогательно, до какой степени дух этот горел любовью к истине и негодованием на ложь общественную в своем отечестве и всюду. Множество глубоких мыслей, глубокая и тонкая критика так называемых либеральных учреждений и форм (Ленинградская Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Письма к С. А. Рачинскому, 1885, июль—сентябрь, № 16).

Говоря о «Капитале» К. Маркса, Победоносцев имеет в виду незадолго перед тем разрешенный перевод II тома «Капитала» («Капитал. Критика политической экономии. Сочинение К. Маркса, изданное под ред. Фр. Энгельса». СПб. 1885), охарактеризованный цензором В. Ведровым как «серьезное экономическое исследование, доступное как по содержанию, так и по изложению лишь специалистам» и потому не представляющее, по мнению цензора, непосредственной опасности в цензурном отношении (ЛОЦИА. Дело Петербургского Цензурного Комитета, 1885, № 97; «Красный архив», т. LVI, 1933, стр. 10). Победоносцев — едва ли не первый среди бюрократической верхушки — разглядел в «серьезном экономическом исследовании» «одну из самых зажигательных книг». Лишь в 1893 г. Департамент Полиции обратился в Главное управление по делам печати с просьбой снова процензировать «Капитал» в виду популярности, какую получила эта книга среди революционных социал-демократических организаций; в январе 1894 г. Феоктистов предложил Министерству внутренних дел включить «Капитал» в список произведений печати, которые не должны быть допускаемы в публичных библиотеках и общественных читальнях, и сделать распоряжение по цензуре о недозволении выпуска в свет этого сочинения новым изданием (См. «Сочинения Карла Маркса в русской цензуре. Архивная справка». — «Дела и дни» 1920, кн. I, стр. 324—325, 333). Однако и после того, в 1897 г., был разрешен к печати III том «Капитала», при чем новый начальник Главного управления по делам печати М. П. Соловьев объяснил это тем, что «два первых тома были разрешены до него, а третий — так написан, что сам автор не в состоянии понять того, что написал» (А. В. Богданович, «Три последних самодержца. Дневник». М.—Л. 1924, стр. 213). См. также «Карл Маркс и царская цензура» — «Красный архив», т. LVI, 1933, стр. 5—32; А. Реуэль, «К истории «Капитала» Карла Маркса в России. I. «Капитал» К. Маркса в России 70—80-х годов». — Сборник Института экономики Ком. академии к 50-летию смерти К. Маркса. М. 1933, стр. 124—168.

38

«Гражданин» очевидно печатает известия о едзящих в Гатчину без всякой авторизации. Иначе не мог бы он сказать, как говорит сегодня, что я ездил вчера 20 ч[исла] с докладом к государю. Никакого доклада у меня не было, а я езжу по четвергам вечер[ом] для занятий с цесаревичем, о чем известно всему дворцовому управлению.

К. Победоносцев

21 нояб[ря] [1887]

39

Стоило бы обратить внимание гр. [Д. А.] Толстого, как неудобно именно теперь разрешать розничную продажу «Русских ведомостей». Есть основание думать, что в среде этой издательской компании есть люди, способствовавшие возбуждению умов между студентами.

К. П.

2 дек[абря] 1887

Воспрещение розничной продажи «Русским ведомостям» объявлено было 5 сентября 1887 г. и действовало по 1 декабря («Русские ведомости», 1863—1913. Сборник статей» М. 1913, стр. 304). Причиной цензурной кары явилось отсутствие в газете обстоятельного некролога М. Н. Каткова с официальной, конечно, оценкой его деятельности.

40

Конфид[енциально]

Сегодня, быв в Гатчине, я узнал из непосредств[енного] источника, что гр. [Д. А.] Толстой вчера имел речь о «Гражданине» по поводу публикаций о едзящих в Гатчину. Государь ютозвался (по кр[айней] мере мне), что [В. П.] М[ещерский] нахал и что с ним стесняться нечего. Авось либо гр. Т[олстой] теперь не будет иметь колебаний и сомнений.

К. П.

4 дек[абря] [1887]

Александр III, считавший кн. Мещерского одним из ближайших своих личных друзей, неизменно оберегал его от каких бы то ни было цензурных кар. Учитывая настроения царя, граф Д. А. Толстой «соглашался неохотно подвергнуть газету «Гражданин» за ее безобразные выходы даже далеко не суровым административным карам, вроде запрещения розничной продажи ее номеров; он как будто инстинктивно сознавал, что это должно возбудить неудовольствие в Гатчине», — записывал в своих воспоминаниях Феокистов (стр. 247—248).

41

Вот что пишет мне между пр[очим] сегодня Сергей Ал[ександрович] Рачинский: «Бедная Москва! Общество вымерло, университет опозорен, «Рус[ский] вест[ник]» куплен «Нивою» *, «Современные известия» — мерзавцем [А. И.] Елишевым. Неужели ему позволят издавать в столице ежедневную газету?»

Душ[евно] пред[анный]

К. Победоносцев

10 дек[абря] 1887

Рачинский, Сергей Александрович (1836—1902), бывший профессор Московского университета (ботаник), вышедший в отставку вместе с Б. Н. Чичериным и др. в знак протеста против покушений на университетскую автономию. В 80—90-х годах известен как деятель по народному образованию, организатор народных школ с преподаванием в том «истинно-русском», т. е. славянофильском, православно-мудром духе, какой вошел в моду при Александре III. К мнениям и оценкам Рачинского прислушивались и официальные круги, несмотря на формальную его «оппозиционность»; с ним, как видим, считался и близкий его друг Победоносцев, который вообще почитал Рачинского.

«Университет опозорен» — намек на студенческие беспорядки в Московском университете в ноябре 1887 г. Беспорядки эти быстро нашли резонанс в ряде других университетских городов, и, по словам исследователя, «движение 1887 г. приняло столь широкий размах, носило настолько яркий противоуправительственный характер, что власти растерялись» (В. И. Орлов, «Студенческое движение Московского университета в XIX столетии». М. 1934, стр. 199—200, см. также стр. 192—201).

* Это, едва ли так. [Прим. Победоносцева. — И. А.]

Отвечая Рачинскому на его письмо, Победоносцев писал (26 декабря 1887 г.): «Вы сокрушаетесь об университетских делах—как не сокрушаться! Все перепутано, с 50-х годов, и вместо дела простого вышло сложное и путаное, вместо живого тела создана машина, а к машине, да еще паровой, нам некого приставить, кроме мужика с долотом и топором. Правду вы говорите, что виноваты молодые либералы-профессоры. Не то, чтобы они прямо подстрекали, но они—мякина и ходячее легкомыслие. Они сами, подобно толпе праздной, входят в дешевое раздражение на либеральной почве, пробавляются ходячими анекдотами и сплетнями о высших сферах,—и болтают, не разбирая при ком и о чем. А притом университет—живая часть общества, общество же наше интеллигентное—вы сами знаете чего стоит. Администрация, и именно московская,—ниже всякой критики. Отсюда—та дребедень, которая явилась в Москве и отсюда разнеслась во все углы! А что дальше? не знаю. Знаю только, что в середину не идут, а занимаются мелочами. Представьте, что завтра собирают нас—4 или 5 министров—на совещание о том, следует ли отбирать от студентов «честное слово», что они не будут участвовать в сходках.—Ах, все это—«words, words, words»... а дела не видно» (Ленингр. Публ. Библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Письма к Рачинскому 1887, сентябрь—декабрь, № 80).

Слухи о «Русском вестнике» и «Современных известиях» были безосновательны; в частности «Современные известия» вовсе прекратились после самоубийства Н. П. Гилярова-Платонова в октябре 1887 г.

42

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Волнение по [делу] со стихотворением [К. М.] Фофанова не только не утихает, но усиливается. Нужно было этому шальному [С. А.] Петровскому выпалить еще свою статью! Я получаю ругательные письма, где меня проклинают за то, что ничего не делаю и не требую по этому случаю.

А сегодня все заседание в Синоде занято было толками об этом. Старцы страшно возмущены. Одни хотят отлучить от церкви торжественно Фофанова; другие—хотят подавать всепод[даннейший] доклад от Синода, и разговоры еще не кончены. Предвижу, что придется мне доложить государю об этом деле!

Душ[евно] предан[ный]

К. Победоносцев

11 мая 1888

Речь идет о стихотворении К. Фофанова «Таинство любви» («Наблюдатель», 1888, № 3, стр. 38—40), которое совершенно неожиданно вызвало сильное брожение умов в реакционно-клерикальных кругах. Еще 6 мая 1888 г. граф Д. А. Толстой запрашивал Феоктистова, «не следует ли наложить взыскание на редакцию журнала «Наблюдатель» за стихотворение Фофанова, которое произвело в Москве такое удручающее впечатление, что есть лица, намеревающиеся жаловаться прямо государю» (ИРЛИ, архив Феоктистова, шифр 9108. ЛП 6 4). Результатом писем Толстого и Победоносцева явилось следующее «распоряжение» министра внутренних дел от 14 мая 1888 г.: «Принимая в соображение, что журнал «Наблюдатель» уже подвергся двум предостережениям за свое вредное направление, которое проявляется однако и ныне во многих его статьях, особенно же выразилось оно в том, что редакция журнала решилась напечатать в мартовской его книжке стихотворение Фофанова под заглавием «Таинство любви», отличающееся возмутительным кощунством, министр внутренних дел... определил: объявить этому журналу третье предостережение в лице издателя-редактора... Александра Пятковского, с приостановлением издания на шесть месяцев». Точнее мотивы предостережения вырисовываются из следующего «всеподданнейшего доклада» министра внутренних дел Александру III от 14 мая, дословно повторяющего соответствующее постановление Совета Главного управления по делам печати:

«В издаваемом без предварительной цензуры журнале «Наблюдатель» помещено стихотворение, которое не могло не произвести удручающего впечатления на публику. Автор его, Фофанов, изображает, будто бы по понятиям еврейского народа, бога грозного, неумолимого, появляющегося среди грома и молнии; но этот еврейский бог нисходит к безгрешной деве Марии, объятай сном.

Он не тревожил сладкий,
 Прекрасный сон ее, исполненный чудес,
 Он только колыхнул бесчувственные складки
 Малиновых завес.
 Он только опажнул стыдливые ланиты,
 Он только осенил безгрешное чело,
 И были новые ей помыслы открыты,
 И даль грядущего разверзлася светло.

Пробудившись, Мария идет в сад и видит, что белоснежный голубь парит над нею. Она поняла пророческие сны, поняла, что ей предназначено быть владычицею мира. Голубь не переставал носиться над нею.

То бог, все тот же грозный
 Самодержавный бог, молниеносный бог.

Но теперь:

Он понял мир земной, погрязший в тьме полночной,
 Он стал его отцом, бессмертный и благой,
 Теперь очищенный любовью непорочной
 И освещенный сном невинности земной.

Все стихотворение представляется каким-то диким бредом. Автор дерзнул коснуться в нем величайшего таинства православной веры — архангельского благостия о воплощении сына божия от девы Марии и святого духа и искажил его в языческом смысле. Самое заглавие стихотворения «Таинство любви» придает ему ненавистный для христианина смысл. Появление означенного произведения в «Наблюдателе» нельзя приписать случайности в виду того, что журнал этот отличается направлением вообще неодобрительным и уже получил два предостережения. Никакая сколько-нибудь благонамеренная редакция не покусилась бы открыть страницы своего издания стихотворению Фофанова» (ЛОЦИА, Дело Главного управления по делам печати 1881, № 42, лл. 110—111 об.).

43

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

В «Новом времени» появлялось известие, что [Н. С.] Лесков готовит к печати целую книгу рассказов, обделанных им из «Пролога». Опасаюсь, как бы тут не было кривляний по книге, имеющей церковное значение. Прикажете—не признаете ли нужным? — присмотреть за этим кому следует.

Я был в Москве. Слышал, что там кроме [Д. И.] Иловайского есть еще затей на новые газеты. Одна фирма — весьма ненадежная — [В. Г.] Короленко, [Г. А.] Мачтет и т. п. Другая — г. Кушнарев, о коем тоже плохие известия.

Душ[евно] пред[анный]

28 мая 18[88]

К. Победоносцев

29 мая. Сейчас принесли «Русское дело». Обратите здесь внимание на персидский циркуляр.

Хорошо ли, что московская цензура пропускает такие вещи с одобрением?

В мае 1888 г. Н. С. Лесков, по предложению А. С. Суворина, действительно подготовлял к изданию несколько сборников своих произведений. В письме к Суворину 17 мая 1888 г. Лесков доказывал, что «обозрение «Пролога» — серьезно и нравственно», «все скромно», что он «не усиливал, а смягчал всякое выражение «Пролога» и довел описание до полной скромности» («Письма русских писателей к А. С. Суворину», Л. 1927, стр. 83). Возможно, что циркулировавшие вокруг проложных повестей Лескова слухи дали повод и цензуре пристальнее взглянуть на них, в частности цензуре духовной, уже и раньше обращавшей внимание на ряд произведений писателя, затрагивавших те или иные стороны современной церковной жизни. Недаром, посылая С. Н. Шубинскому свой рассказ «Боголюбезный скоморох» («Скоморох Памфалон»), Лесков был вынужден доказывать, что «в повести о скоморохе нет ничего религиозного — до того, что

Ваше письмо получено. В нем вы просите, чтобы я написал
вам письмо, в котором бы вы могли узнать, как
я себя чувствую. Я очень рад, что вы об этом спрашиваете.
Я чувствую себя хорошо, но иногда бывают моменты,
когда мне кажется, что я совсем не здоров. Я думаю,
что это связано с тем, что я слишком много работаю.
Я постараюсь отдохнуть и вернуться к нормальной жизни.
Я думаю, что вы тоже должны отдохнуть и заняться
тем, что вам нравится. Я надеюсь, что вы будете
здоровы и счастливы. Я люблю вас и думаю о вас
каждый день.

Ваше письмо получено. В нем вы просите, чтобы я написал
вам письмо, в котором бы вы могли узнать, как
я себя чувствую. Я очень рад, что вы об этом спрашиваете.
Я чувствую себя хорошо, но иногда бывают моменты,
когда мне кажется, что я совсем не здоров. Я думаю,
что это связано с тем, что я слишком много работаю.
Я постараюсь отдохнуть и вернуться к нормальной жизни.
Я думаю, что вы тоже должны отдохнуть и заняться
тем, что вам нравится. Я надеюсь, что вы будете
здоровы и счастливы. Я люблю вас и думаю о вас
каждый день.

Ваше письмо получено. В нем вы просите, чтобы я написал
вам письмо, в котором бы вы могли узнать, как
я себя чувствую. Я очень рад, что вы об этом спрашиваете.
Я чувствую себя хорошо, но иногда бывают моменты,
когда мне кажется, что я совсем не здоров. Я думаю,
что это связано с тем, что я слишком много работаю.
Я постараюсь отдохнуть и вернуться к нормальной жизни.
Я думаю, что вы тоже должны отдохнуть и заняться
тем, что вам нравится. Я надеюсь, что вы будете
здоровы и счастливы. Я люблю вас и думаю о вас
каждый день.

Ваше письмо получено. В нем вы просите, чтобы я написал
вам письмо, в котором бы вы могли узнать, как
я себя чувствую. Я очень рад, что вы об этом спрашиваете.
Я чувствую себя хорошо, но иногда бывают моменты,
когда мне кажется, что я совсем не здоров. Я думаю,
что это связано с тем, что я слишком много работаю.
Я постараюсь отдохнуть и вернуться к нормальной жизни.
Я думаю, что вы тоже должны отдохнуть и заняться
тем, что вам нравится. Я надеюсь, что вы будете
здоровы и счастливы. Я люблю вас и думаю о вас
каждый день.

Ваше письмо получено. В нем вы просите, чтобы я написал
вам письмо, в котором бы вы могли узнать, как
я себя чувствую. Я очень рад, что вы об этом спрашиваете.
Я чувствую себя хорошо, но иногда бывают моменты,
когда мне кажется, что я совсем не здоров. Я думаю,
что это связано с тем, что я слишком много работаю.
Я постараюсь отдохнуть и вернуться к нормальной жизни.
Я думаю, что вы тоже должны отдохнуть и заняться
тем, что вам нравится. Я надеюсь, что вы будете
здоровы и счастливы. Я люблю вас и думаю о вас
каждый день.

ПИСЬМО К. П. ПОВЕДНОПОВА К Е. М. ФЕОКТИСОВУ ОТ ФЕВРАЛЯ 1890 Г. ТРЕТЬЯ И ЧЕТВЕРТАЯ СТРАНИЦЫ
Институт Русской Литературы, Ленинград

даже не упоминается ни про евангелие, ни про церковь, ни про попа, ни про диакона, ни про звоняра. Словом — нет ничего относящегося к церкви, а только сюжет заимствован». И дальше «Даже запаху ладанного — и того нет, а есть просто очень любопытная повесть, написанная с изучением и старанием» (А. И. Фаресов, «Против течений», СПб. 1904, стр. 106). Действительно даже духовная цензура, в отзыве члена Петербургского комитета архимандрита Тихона, признавала, что «то, что изложено, само по себе, не содержит ничего вредного или противного духу учения нравственного христианского, и повествование в художественном отношении имеет своего рода достоинства» (Дело С. Петербургского Комитета духовной цензуры 1887, № 1743, лл. 1—1 об.). Очень скоро, однако, цензура серьезно взялась за Лескова: ниже мы приводим успокоительное письмо Феофтистова к Победоносцеву о том, что им приняты соответствующие меры в отношении неугодного писателя. Об отдельном издании «проложных повестей», разговор больше не поднимался. В 1889 г. по приговору Главного управления по делам печати и с одобрением комитета духовной цензуры (Дело... 1889, № 1780, лл. 9—9 об.) был сожжен весь шестой том «Собраний сочинений» Лескова, вышедший впоследствии с совершенно измененным содержанием (С. Шестериков, «К библиографии сочинений Н. С. Лескова» — «Известия отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук», т. XXX, 1925, стр. 284).

44

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

В среду или в четверг собираюсь уже выехать за границу.

Я писал вам, помнится, о книге, приготавливаемой [Н. С.] Лесковым — «Рассказы из Пролога».

Нелишне сообщить вам, что одна из этих историй, печатанная в «Нов[ом] времени» и потом изданная отдельно — «Федор Жидовин» — на днях признана Синодом крайне вредною, и по поручению Синода я буду писать вам и просить, чтоб не дозволялось вновь издавать ее.

[А. А.] Пороховщиков просит разрешить ему газету. Предупреждаю, что на этого человека положиться нельзя — впрочем, конечно, и вы его знаете.

Душ[евно] пред[анный]

К. Победоносцев

12 июня [1888]

В своем ответе Феофтистов писал: «Относительно книги Лескова будьте спокойны. Приняты меры. — Пороховщикова я опасаясь. Мне кажется, что не надо разрешать ему газету. Любопытно, однако, что он представил В. К. Плеве рекомендательное письмо Н. П. Смирнова и предлагает, если угодно, таковое же от митрополита Иоанникия. Главным его сотрудником является Иловойский» («К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, 2. М. 1923, стр. 851).

Пороховщиков, Александр Александрович (1810 — 1894), московский купец и неудачливый городской деятель. Победоносцев еще в 1875 г. характеризовал его (в письме к наследнику Александру Александровичу) как «известного в Москве прожектера, спекулянта и человека весьма сомнительной репутации» («Письма Победоносцева к Александру III», т. I. М. 1925, стр. 50—51). Рассказ Н. С. Лескова «Сказ о Федоре-христианине и о друге его Абраме-жидовине» был напечатан первоначально не в «Новом времени», а в «Русской мысли» (1886, № 12, стр. 1—23); тогда же он вышел и отдельной брошюрой (М. 1887, 64 стр.).

45

[Август—сентябрь 1889]

В последнее время составил план возбудить и оживить украинско-фильское движение в России, особливо в университетских городах.

Главными двигателями этой пропаганды состоят [М. П.] Драгоманов в Женеве, а по активной части [Г. В.] Плеханов в Париже и [П. Б.] Аксельрод в Цюрихе.

По внушениям отсюда выехали из Киева за границу —

Студ. [Б. А.] Кистяковский, сын профессора;

Студ. [А.] Мержковский;

Студ. [С.] Деген, сын генерала, и с ним две сестры его.

Они отправились во Львов под руководство главных тамошних вождей анархического украинофильства, Ивана Франка и [М.] Павлика.

Примечательно, что Ив[ан] Франк[о] состоит корреспондентом П[етер]-бург[ской] польской газеты Кгау.

Австрийское правительство, в последнее время испуганное анархическим направлением украинофилов, принялось преследовать их, и ныне помянутые русские выходцы арестованы. Захваченная у них русская переписка свидетельствует о замыслах их и сношениях.

Б. А. Кистяковский, А. Маршинский (а не Мержковский, как пишет Победоносцев) и С. Деген с двумя сестрами (Марией и Натальей) — все члены студенческого драгомановского кружка в Киеве, — выехали за границу в июле 1889 г. и поселились во Львове, где и приняли участие в предвыборной агитации украинских радикалов во главе с И. Франком и М. Павликом, которой Драгоманов придавал большое политическое значение (П. Л. Тучапский, «Из пережитого. Десятилетние годы», Одесса 1923, стр. 17). Во Львове же все они были арестованы (в августе) и вскоре затем высланы в Россию, где (циркуляром Департамента полиции от 26 октября 1889 г.) за ними было установлено «самое строгое наблюдение». Труднее расшифровать непонятное наименование Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода «главными двигателями» украинофильской пропаганды — на ряду с М. П. Драгомановым. Многочисленные факты, наоборот, указывают на резко отрицательное отношение Плеханова к либеральному буржуазно-националистическому федерализму Драгоманова и его сторонников. Дело, по словам самого Плеханова, заключалось в неприемлемости для него как для марксиста узкого национализма драгомановцев, доводившего их до заявлений о том, что «украинские крестьяне чувствовали бы себя лучше, если бы паны на Украине были не польские, а свои же, украинские». «Неужели же, Петр Лаврович, — писал Плеханов (30 мая 1884 г.) П. Л. Лаврову по поводу украинской брошюры Липского «О том, как наша земля стала не наша», в которой как раз содержится приведенная тирада, — вас, который один из первых стал излагать нашей молодежи учение социализма, мне нужно спрашивать — согласно ли вышеприведенное украинофильское мнение с основными положениями социализма. По моему, нет. И поскольку оно противоречит социализму, постольку эта и ей подобные брошюры не могут называться научными. Там, где нет социализма, — нет науки. Вот почему там, где есть хоть одна строка, написанная мною, не может быть похвалы гг. украинофилам» («Дела и дни», кн. 2, 1921, стр. 78—79). Нет необходимости доказывать, что и в дальнейшем взгляды Плеханова на либеральное, буржуазно-националистическое украинофильство остались отрицательными; личные же его отношения с Драгомановым были совершенно прекращены после издания «Вольного слова» и «Драгоманьяды» (см. «Группа «Освобождение Труда», сборник № 5. М. 1926, стр. 72—90; Д. Заславский, «М. П. Драгоманов», М. 1934). Разгадку странного упоминания в письме Победоносцева, по нашему мнению, следует искать в том обстоятельстве, что в конце 80-х годов в студенческие кружки все более проникало знакомство с марксизмом, марксистской литературой и т. д. Возможно, что в полицейских и жандармских донесениях, которые, повидимому, послужили основанием для письма Победоносцева, эти две ориентации киевских студенческих кружков — марксистская и украинофильская — оказались причудливо объединенными.

46

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Из Харькова поступило или вскоре поступит к вам ходатайство о разрешении нового учено-литературного журнала.

По всем имеющимся у меня сведениям это предприятие требует отпора. Оно затеяно либералами, коим несочувственно недавно отрезвившееся в Харьковской литературное движение в духе охранительного («Вера и разум», «Юж[ный] край», «Губернские ведомости»).

Вы знаете, что у нас почти все журналы (кроме «Русского вестника») занимаются служением Молоху и Астарте. И так, ни в каком отношении нежелательно иметь еще новый орган такого же направления.

Мне известно, что и местный губернатор не расположен к этому предприятию.

Душ[евно] пред[анный]

К. Победоносцев

20 ноября 1889

Прочтите еще, многоуважаемый Евгений Михайлович, это письмо пр[е-освященного] Никанора и приложенный фельетон.

Право, пора обратить внимание на провинциальные газеты. Нельзя оставлять их на ответе невежественных или безграмотных вице-губернаторов.

Эта газета—«Одесский листок» — одна из самых скверных и орган жидовский.

Душевно пред[анный]
К. Победоносцев

26 нояб[ря] 1889

Настоящее письмо Победоносцева является следствием письма к нему херсонского архиерея Никанора, одного из многих добровольных доносителей, окружавших Победоносцева, делавших на доносах карьеру и доставлявших всемогущему обер-прокурору ореол всезнайства и вездесущности. Приводим здесь этот любопытный образчик доносительской литературы («Русский архив», 1915, № 11—12, стр. 266).

Ваше высокопревосходительство, Константин Петрович,
Милостивый государь!

В последнем моем конфиденциальном сообщении по поводу предполагаемых земских чтений о предметах православной веры я писал между прочим, что теперь в каждой и самой мелкой провинциальной газете можно читать постоянные выходки не только против религии, но и против государства, самого радикального свойства, помещаемые даже с разрешения правительственной цензуры.

Не угодно ли взглянуть на такую выходку собственными глазами: «Одесский листок» 1889 г., № 309, фельетон, стр. 2, столб. 6, «Петербург прежде и теперь».— Проводится мысль, что над нами висит такой же переворот, какой на-днях совершился в Бразилии. Так мыслят не только в Одессе, но и у вас, в Петербурге, так как это — «письмо из столицы». И в самом деле, теперь не мешало бы, с этой точки зрения, обращать пребдительное внимание на всеобщее российское воинство, как бы какой-либо батальон в Петербурге не затеял бразильскую историю.

И такие идеи проводятся в Одессе, с разрешения правительственной цензуры. Проводятся в низшую массу народа и в массу еврейства, потому что эта газета — еврейская. От религии евреи не откажутся, но русской государственной идее изменят легко и при благоприятных условиях даже охотно.

Благоводите принять уверение [и т. д.].

Никанор, архиепископ херсонский

Думаю, что я надоел уже вам, многоуважаемый Евгений Михайлович, а все продолжаю надоедать.

Я не видаю «Недели», хотя имею об ней понятие. Эта газета немало распространена между духовенством и молодежью.

Случайно наткнулся я на объявление и вижу, что там помещается перевод романа «Роберт Эльсмер».

Роман этот сделал и продолжает делать много шума в Англии. Я знаю его — прочел нынешним летом (вы можете составить себе понятие об нем по статье в последней книжке «Revue des deux Mondes»). Роман громадный, написан с больш[им] талантом. Это история пастора, который после изучения ученых критических книг отвергает церковь и христианство и основывает свою религию порока. Все это приведено рядом бесед, в коих развивается критика исторического христианства, а талант автора может подкупить неопытного читателя.

Подумайте, хорошо ли печатать такую вещь на русском языке в газете, которая распространена в самой неопытной публике?

Душевно предан[ный]

К. Победоносцев

29 нояб[ря] 1889

Речь идет о романе мистрисс Гэмфри Уорд «Отщепенцы» (СПБ. 1889), который печатался в «Книжках недели» (1889, №№ 1—10). Ко времени письма Победоносцева роман уже был закончен печатанием и потому, на этот раз, никаких репрессий не вызвал.

49

Что сказать вам, почтеннейший Евгений Михайлович?

Прочел я первые две тетради: тошно становилось,—мерзко, до циничности, показалось. Потом стал читать еще (сразу все прочесть — душа болит), и мысль стала проясняться. Только в три приема прочел все — и задумался...

Да, надо сказать ведь все, что тут писано—правда, как в зеркале, хотя я написал бы то же самое совсем иначе, а так, как у него написано, — хоть и зеркало, но с пузырьем и оттого кривит. Правда, говорит автор от лица человека больного, раздраженного, проникнутого ненавистью к тому, от чего он пострадал,—но все чувствуют, что идея принадлежит автору. И бросается в глаза — сплошь почти отрицание. Положительного — идеала — автор почти не выставляет, хотя изредка показывает его проблесками. В начале купец поминает о таинстве,—но лицо этого купца двоится, ибо он же представлен циником купавинского разгула. Правда, сам Познышев в одном месте говорит: иное дело, если смотреть на брак как на таинство, да кто ныне так смотрит?—Правда, в конце видим что-то похожее на раскаяние, как будто Познышев хочет сказать: я виноват. (И подлинно, в сущности он виноват во всем, хотя все больше свалено на несчастную жену, которая может быть только нежничала с Трухачевским, и от мужа зависело пожалеть ее и во-время остановить — не свирепым укором, а ласкою). И так, независимо от правды фактической,—явная фальшь в концепции автора относително идеи.

Все это так... «E pur si muove!». И все-таки правда, правда в этом негодовании, с которым автор относится к обществу и его быту, узаконяющему разврат в браке.

Произведение могучее. И когда я спрашиваю себя, следует ли запретить его во имя нравственности, я не в силах ответить да. Обложавит [?] меня общий голос людей, дорожащих идеалом, которые, прочтя вещь негласно, скажут: а ведь это правда. Запретить во имя п р и л и ч и я—будет некоторое лицемерие. Притом запрещение, как вы знаете, не достигает цели в наше время. Невозможно же никоим способом карать за сообщение и чтение повести гр. [Л. Н.] Толстого.

Знаю, что это чтение никого не исправит, что во многих читателях оно достигнет противоположной цели, усугубив еще ту двойственность — негодование на похоть и на зло с предложением похоти и зла,—раздутого идеала—с мерзкою действительностью в жизни. И не разделяю мнения тех, кои готовы возвесть эту повесть на степень какого-то Евангелия идеальной нравственности. Тем не менее думаю, что нельзя удержатъ это зеркало под спудом.

Но думаю, что необходимо, во имя самых основных требований приличия общественного, потребовать некоторых изменений в тексте. Нельзя забыть, что эта вещь будет в руках у всех — у юношей и девиц, и будет промко читаться. Публичного ее чтения ни в каком случае допустить нельзя. Есть слова и фразы, положительно невозможные в печати. Я отметил их на поле словом: «нельзя». Таковы напр[имер] фразы о предохранительном клапане. И к чему это? Неужели этим дорожит автор?

Затем — не согласиться ли Толстой (или Кузьминский — неужели он не поймет?) совсем выпустить XI главу о медовом месяце? Тут есть и фразы

скверные, и совсем отчаянные рассуждения о продолжении рода человеческого и о воздержании от деторождения. Это нехорошо — и фальшиво. При этом, невольно думается, что эти рассуждения сходятся с пгусною практикой многих сектантов — и шекеров, и федосеевцев, и скопцов, — коих верование, быв идеализировано (а ведь к идеализации все способно — даже самый разврат), сходитя к тем же рассуждениям. Между тем известно, что в действительности с этою идеализацией уживается и таится под нею — самый скотский разврат. Увы! Наш гр. Толстой, подобно всем сектантам, забывает слово св. писания: «всяк человек есть ложь». И потому истинную правду и истинный идеал человек должен искать не в своем чувстве сознания, а вне себя и под собою.

Наконец мне представляется неприличным выписывать в эпиграфе словесный текст евангелия. Пусть бы обозначил хоть простую цитату: Ев. Мат. V. 28-ХІХ. А настоящим, не ложным и не надутым эпиграфом к повести была бы поговорка: нечего на зеркало пенять, когда рожа крива.

Душ[евно] пред[анный]
К. Победоносцев

6 февр[аля] 1890

Заметили ли вы в «Моск[овских] вед[омостях]» прекрасный разбор Вла[сти] т[ы]мы Толстого?

Письмо это было опубликовано Н. К. Гудзием в комментарии к «Крейцеровой сонате» (Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 593—594); там же (а также в статье Н. К. Гудзия «Как писалась и печаталась «Крейцера соната» — «Звенья», сборник II, М. 1933) с достаточной обстоятельностью выяснены и конкретные условия, в которых проходило распространение повести Толстого и, в частности, роль Победоносцева и Феоктистова в тех цензурных рогатках, которыми было окружено это распространение.

Как известно, не рассчитывая на непосредственное дозволение цензуры печатать «Крейцерову сонату», друзья и родственники Толстого пытались заинтересовать повестью различных влиятельных лиц, в частности Победоносцева. Из письма Н. Н. Страхова к С. А. Толстой (22 января 1890 г.) видно, что эти попытки сперва были совершенно безуспешны. Как показывает публикуемое нами письмо к Феоктистову, Победоносцев очень скоро переменял это свое решение, — желая, повидимому, быть во всеоружии в тех спорах, которые завязались вокруг повести и которые непосредственно захватили придворно-бюрократическую среду.

Публикуемое нами письмо Победоносцева является наиболее связным и обстоятельным изложением его взглядов на «Крейцерову сонату», является едва ли не единственной его собственно критической оценкой ее (в других письмах, например к Александру III, Победоносцев выступает исключительно с бюрократическо-жандармской точки зрения): в этом его интерес.

Для характеристики отношения Феоктистова к повести приведем здесь отрывок из письма его к К. Н. Бестужеву-Рюмину (4 ноября 1889 г.), написанного еще на основании слухов, сопровождавших появление «Крейцеровой сонаты»: «В настоящее время много толкуют у нас о повести Льва Толстого «Крейцера соната», которая еще не напечатана. Я говорил о ней с А. Ф. Кони, присутствовавшим на чтении ее у родственника Льва Толстого — Кузьминского, и вынес я из его рассказа такое впечатление, что это — произведение довольно странное. В основе его положена между прочим мысль, что величайшее бедствие человечества — музыка; она развращает людей и от нее происходят всякие несчастия. Меня спрашивали, пропустит ли цензура повесть Толстого: я был удивлен таким вопросом, но потом убедился, что он имеет некоторое основание. Дело в том, что в некоторых сценах Толстой перещеголял Золя относительно реализма; даже поклонники его несколько смущены. Особенно выдается рассказ одного действующего лица о том, как в молодости зашел он в публичный дом и имел сношение с женщиной; не пропущено при этом ни одной детали, и вещи называются их именами. Правда, А. Ф. Кони выразился по этому поводу таким образом: «И Толстой и Золя стоят в грязи; но Золя все более и более погружается в нее, до самого дна, а Толстой возносится из этой грязи на небо...» Что-то странно! Еще удивляет меня одно обстоятельство. Повесть написана отчасти на известный текст (кажется, апостола Павла), что «если человек воззрит на жену, ежели вожделети ю то уже согреси в сердце своем». Под словом «жена» всегда понималось «женщина» вообще, а Толстой понимает его буквально; он хочет убедить, что дело идет о собственной, законной жене, к которой тоже греховно относиться с вожделением...

Уж решительно ничего тут не понимаю!! Ах, боже мой, как у нас развелось много пророков и мудрецов. В одном направлении пророчествует Лев Толстой, в другом — Вл. Соловьев. И началось это давно. Пророком был и Гоголь. В октябрьской и ноябрьской книжках «Вестника Европы» напечатана его переписка с Вильегорскими, — по моему мнению проливающая яркий свет на внутренний мир Гоголя, который, — увы! — оказывается все более и более далеко не привлекательным» (ИРЛИ, архив К. Н. Бестужева-Рюмина, шифр 25156. CLXXXI б 22).

Результатом резкого вмешательства Победоносцева в хлопоты о разрешении печатать «Крейцерову сонату» было немедленное и категорическое запрещение повести. В результате был арестован весь XIII том «Сочинений Л. Н. Толстого», содержащий, кроме «Крейцеровой сонаты» также «Плоды просвещения» и ряд статей; только личное обращение С. А. Толстой к Александру III разрешило вопрос о печатании повести — к великому неудовольствию Победоносцева, Феокистова и т. д. Уже значительно позже, 8 декабря 1891 г., Феокистов записал в своем дневнике: «Сегодня К. П. Победонсцев рассказывал мне, что он имел с государем объяснение по поводу своего письма к нему о Льве Толстом. Теперь и сам государь очень недоволен, что дал разрешение печатать «Крейцерову сонату». — «Всею виной старуха Александра Андреевна (Толстая), — сказал государь, — она навязала мне жену Льва Толстого и я имел слабость склониться на ее просьбы». [В. М.] Юзевович видел недавно одного ревностного почитателя нашего пророка, который нынешнюю осень провел несколько дней в Ясной Поляне. По словам его, Толстой сильно ропщет на свою жену. «Ведь я не знал, — уверяет он, — что она поехала в Петербург хлопотать о «Крейцеровой сонате» — и у кого же? У царя! Как будто ей неизвестно, что я считаю его своим личным врагом». Что за нахал!» (Дневник за 1890—1896 гг., л. 42).

Упомянутая в письмах Победоносцева статья о «Власти тьмы» принадлежит Ю. Николаеву (Ю. Н. Говорухе-Отроку): «Литературные заметки. «Власть тьмы» драма графа Л. Н. Толстого» («Московские ведомости», 1890, № 34, 3 февраля).

50

Почтеннейший Евгений Михайлович,

С благодарностью возвращаю вам книгу [А. А.] Фета. Письма очень интересные.

Я ездил на один день в Москву. Вчера вышел из типографии 8 том соч[инений] [Ю. Ф.] Самарина с «Окраинами» и с известным письмом. Д. Ф. Самарин, однако, опасается, как бы местный ценз[урный] комитет не сделал затруднений. Не дадите ли вы им знать, что письмо напечатано с выс[очайшего] разрешения. Я получил уже от Самарина 1 экз[емпляр] для представления государю, и сейчас отослал его в Гатчину.

Душевно пред[анный]

К. Победоносцев

22 апр[еля] 1890

Под «книгой Фета» Победоносцев имеет в виду, очевидно, «Мои воспоминания» (М. 1890, 2 части), в которых напечатано много писем И. С. Тургенева, Л. Толстого и др. (они-то и характеризуются как очень интересные). Следует заметить, что А. А. Фет вообще был одним из любимейших поэтов Победоносцева: его высказывания о Фете чрезвычайно последовательны и единообразны. Так, 10 апреля 1887 г. он пишет Я. П. Полонскому: «К самому раннему периоду моей молодости принадлежат мотивы, навеянные Фетом, и первое чтение его «Вечеров и ночей» живо в моей памяти» (ИРЛИ, шифр 12943. LXXI б 13) Аналогичное, но более лирическое по тону высказывание — в письме Победоносцева к А. Н. Майкову (23 ноября 1892 г.), тотчас после смерти Фета. «Вот, не поверите, — пишет Победоносцев, — как отозвалось в душе известие о кончине Фета. Лично мало я знал его, но с именем его соединялась вся свежесть первых впечатлений молодости. Точно узнаешь о смерти старухи, которую любил страстно — девочкой. И как живы у меня первые впечатления от Фета, когда, бывало, мальчишкой, читал и повторял его «Вечера и ночи» в «Отце[ственных] записках». У него звучала совсем особливая струна, отзывавшаяся в молодых и свежих душах, — такой струны я ни у кого из поэтов не слышал и теперь; с ранней молодости так и звучат тогдашние стихи его, так и не забудешь их до конца: «Дитя, мои песни далеки...», «Я пришел к тебе с приветом», «Щечки рдеют алым жаром...», «Кот поет, глаза прищуря...» и проч., и проч. Очень грустно, что Фета нет... Грустить ли, что и нас скоро не будет?» (ИРЛИ, шифр 16898. CVIII б 3). И, наконец, еще в одном письме (недатированном) к Я. П. Полонскому, посылая ему какую-то статью о Фете, Победоносцев снова замечает: «Фет связан у меня с лучшими впечатлениями минувшей молодости»

(ИРЛИ, шифр 12349. LXX б 3). Впрочем душевную близость к творчеству Фета заставляли Победоносцева ощущать не только воспоминания молодости, но и реакционная сущность «чистой поэзии» Фета, отсутствие у него «гражданских мотивов», столь ненавистных Победоносцеву. В цитированном уже выше письме к Полонскому (10 апреля 1887 г.) он радуется, что может причислить своего корреспондента «к поэтам того времени, когда еще не появилась у нас юродивая муза «гражданских мотивов», прогнанная анафемою Феба с Олимпа и блуждающая ныне между нас в растерзанном виде».

Следует заметить, что печатание воспоминаний Фета и, в частности, цитированных в них писем не обошлось без цензурных сомнений, к разрешению которых привлекался Феоктистов.

Книга Самарина, о которой упоминает Победоносцев — «Сочинения Ю. Ф. Самарина, т. VIII, Краины России» (М. 1890); на стр. XI—XXVII помещено «всепопданнейшее письмо» Ю. Ф. Самарина к Александру II (28 декабря 1868 г.), объяснение причин, заставивших Самарина издать свою книгу за границей. Дмитрий Федорович Самарин (1831—1901) — издатель сочинений брата и хранитель его славянофильских воззрений, московский городской и земский общественный деятель.

51

Почтеннейший Евгений Михайлович,

Сейчас явился ко мне [Н. И.] Пастухов, встревоженный известием, что Моск[овский] Ценз[урный] Комитет писал сюда по поводу статейки о жидах и о жидовских газетах, явившейся в «Москов[ском] листке». Не знаю, считается ли это дело серьезным, но эту статейку, писанную Елпидиф[ором] Барсовым, я видел, и мне показалось, что в ней нет ничего особливо бранного. Жида одолели Москву, и газета [А. Я.] Липскерова подлинно негодная.

Вчера перебрался я на дачу, но возле Петербурга те же дела и заботы одолевают.

Видел вчера Л. [А.] Тихомирова. Его вызвал сюда по Д[епартамен]ту полиции П. Н. Дурново и поручает ему писать какую-то статью по поводу парижских арестов. Странное требование, ибо и Дурново не знает хорошошенько, что и как следует писать, и сам Тихомиров не понимает, чего от него требуют.

Душ[евно] пре[данный]

К. Победоносцев

15 июня 1890

«Жида одолели Москву» — лозунг, выброшенный реакционной печатью (с благословения правительства) для оправдания изгнания из Москвы нескольких тысяч семей евреев-трудящихся, в большинстве проживавших в Москве по несколько десятков лет. Изгнание это, осуществившееся в следующем 1891 г., явилось одним из звеньев той цепи антисемитизма, которая ковалась соединенными усилиями всей российской реакции под «высочайшим покровительством» самого Александра III и выразилась, между прочим, в целой волне кровавых прогромов и т. д.

Ренегат-народоводец Лев Александрович Тихомиров (1852—1917) очень быстро после своего «покаяния» и возвращения в Россию перешел в лагерь правительственной черной, дворянско-помещичьей реакции. Едва поселившись в Новороссийске, назначенном ему для жительства, он пишет брошюру «Начала и концы» (М. 1890, первоначально печаталась отдельными фельетонами в черносотеннейших «Московских ведомостях»), где всячески пачкает свое революционное прошлое, чернит школу и печать, создававших, дескать, «либералов», которые только и мечтали, «как бы не додумать до конца», и революционеров, которые все спасение полагали в том, «чтобы дойти до последнего предела». Кроме благ, так сказать, политических (освобождение из-под полицейского надзора), брошюра — еще в виде газетных фельетонов — доставила Тихомирову и внимание правящих сфер. «Статья оказалась замечена, — записал Тихомиров в своем дневнике 12 июня 1890 г. — Делянов сказал «Моск[овским] вед[омостям]», что ее нужно отпечатать отдельной брошюрой. Победоносцев назвал ее замечательной и хочет со мной познакомиться» (Воспоминания Льва Тихомирова. М. 1927, стр. 386). Вероятно, под впечатлением «Начал и концов» у тогдашнего директора департамента полиции П. Н. Дурново явилась мысль использовать Тихомирова в качестве присяжного правительственного публициста; как говорит в дневнике Тихомиров (11 июня 1890 г.), Дурново при свидании объявил, что правительству нужны статьи, что

«Новое время» (Коломнин) само предлагало свои услуги, но написало дрянную, слабую вещь. Просит меня» (там же). Конкретно речь шла, очевидно, о разоблачении террористической деятельности народовольцев в связи с раскрытой в мае 1890 г. в Париже динамитной мастерской и с арестом Е. Д. Степанова, А. Лаврейнуса и И. Н. Кашинцева, осужденных затем французским судом на три года тюремного заключения и высланных из Франции.

52

Почтеннейший Евгений Михайлович,

Журнал «Благовест» возбуждает во мне опасение. Он совсем превращается в орган славянства, и г. [Н. В.] Васильев пишет в нем страшную дребедень. Сегодня я вызываю к себе дух[овного] цензора для объяснений. Но любопытно знать: при передаче издания от [Г. И.] Кулжинского были ли разрешены какие-либо изменения противу прежней программы, с ее расширением? И во всяком случае, нельзя ли прислать мне взглянуть программу, по коей разрешено издание «Благовеста».

Душевно пред[анный]

К. Победоносцев

16 окт[ября] 1890

«Благовест» — «общедоступное духовно-нравственное издание», один из прогрессивнейших органов, издававшийся в 1883—1890 гг. (в Харькове и Нежине) Г. И. Кулжинским, сыном известного мракобеса И. Г. Кулжинского (учителя Горуля по Нежинскому пансиону). В 1890—1894 гг. издание было перенесено в Петербург; издателем подписывался Н. Филиппов, редактором Ф. Четверкин; характер издания в общем остался без изменения.

53

Почтеннейший Евгений Михайлович,

Что это еще Вл. Соловьев блядословит в новой книжке «Вестника Европы»? Когда будет возможно, пришлите мне взглянуть.

Душ[евно] пред[анный]

К. Победоносцев

1 декабря 1890

Речь, вероятно, идет о статье Вл. Соловьева. «Немецкий подлинник и русский список» («Вестник Европы» 1890, № 12, стр. 707—736), одной из ряда его полемических статей по поводу книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа».

54

Почтеннейший Евгений Михайлович,

В Москве жидовская партия закипела злобой по случаю помещенной в «Московском листке» речи [А. С.] Шмакова о жидах-присяжных поверенных и об изгнании их из адвокатуры! Вы, верно, видели.

По этому случаю у [В. А.] Долгорукого был 2 раза Лазарь Поляков; затем князь призывал к себе Мсерианца и велел ему заявить [Н. И.] Пастухову выговор с угрозами; кроме того слышу, что цензор [В. Я.] Федоров писал вам опять бумагу против помещения речи Шмакова.

По подобному случаю вы раз писали мне, что жалобам этого рода вы не даете хода; однако, почитаю не лишним сообщить вам выщелитанное.

Душевно пред[анный]

К. Победоносцев

8 декабря 1890

«Открытое письмо А. С. Шмакова к товарищам-русским людям, присяжным поверенным Московского округа» («Московский листок», 1890, № 333, 30 ноября) также явилось одним из звеньев цепи, готовившейся для новых правительствен-

ных мер против трудящегося еврейства. Намек в письме Победоносцева на связь московского генерал-губернатора князя В. А. Долгорукого с евреями (посещение его известным богачом Л. Поляковым) был широко развернут несколько позднее для оправдания увольнения кн. Долгорукого и назначения на его место великого князя Сергея Александровича.

55

Почтеннейший Евгений Михайлович

Знаете ли вы эту метаморфозу «Газеты [А. А.] Гатцука»? Родзевич известен вам. Неужели ему разрешено будет набрать такую фалангу?

Но как эти господа бессовестны! Вот уже давно противники так называемого клерикализма пускают по России слух, что я хочу забрать все народные школы в Синод. В министерстве Нар[одного] Просв[ещения] возбуждают глухую оппозицию; агитируют в земствах, так что некоторые земства, в опасении передачи, уменьшили до половины свою субсидию школам; пускают статейки в газетах. И вот еще 30 ноября «Русские ведомости» напечатали тенденциозную телеграмму, что в декабре будет в Госуд[арственном] Совете обсуждаться проект передачи всех народных школ в Синод.

Я на другой же день послал в «Правит[ельственный] вестник» официальное опровержение, которое затем появилось в «Церковных ведомостях». Многие газеты перепечатали его, а «Русские ведомости», распространившие эту весть в виде телеграммы, — со 2 декабря молчат. Очевидно молчат намеренно.

Душ[евно] пред[анный]

К. Победоносцев

11 дек[абря] [1890]

Письмо датируется приблизительно, на основании упоминания о борьбе вокруг организованных Победоносцевым и патронируемых им церковно-приходских школ. В своей «просветительной» деятельности Победоносцев свято придерживался выставленного им же самим положения: «Безусловно вредно распространение народного образования, ибо оно не воспитывает людей, не сообщает умения, а дает лишь знание и привычку логически мыслить». Отсюда — упорное его стремление (несмотря на все высказываемые им же словесные опровержения) к передаче всех школ (особенно школ земских, против которых он особенно воевал; см., например, его переписку с С. А. Рачинским) в ведение духовного ведомства. Особенного напряжения эта борьба достигла именно в 1890 г., когда Победоносцев столкнулся с открыто враждебной ему позицией министерства народного просвещения.

56

Безумный Вл. Соловьев вошел, кажется, в новый фазис своей психической эволюции. В последней книжке Гротова журн[ала] «Вопросы философии и пр.» помещена статья его «О подделках».

Давно ли он проповедывал нам папство и непреложность иерархического начала в церкви? А теперь он бьет по боку и догматы, и иерархию, и всякие обряды и принимает повидимому Толстовскую теорию.

Нельзя не пожалеть, что статьи этого рода, прямо касающиеся богословских предметов, не проходят через духовную цензуру.

Душевно пред[анный]

К. Победоносцев

5 мая 1891

Победоносцев имеет в виду статью Вл. Соловьева «О подделках» («Вопросы философии и психологии», 1891, кн. VIII, стр. 149—163). Упреки Соловьеву в толстовстве, само собою разумеется, ни на чем не основаны.

57.

Почтеннейший Евгений Михайлович,

Нельзя ли как-нибудь образумить и воздержать г. [В. П.] Буренина. Он может слишком далеко зайти с своими шалостями относительно божественности гр. [Л. Н.] Толстого. Надо полагать, что не имел прежде понятия о церкви и об ее учении, он в первый раз познакомился с евангелием чрез гр. Толстого. Но утверждать со страстью, что гр. Толстой первый открыл нам евангелие и учил нас вере, — это штука опасная. В последнем своем фельетоне он уже заигрывает с церковью и с ее учением. А вот, статья из «Южного края», подводящая Толстого под анафему, и верна в церковном смысле. Опасаюсь, как бы г-н Буренин не вздумал отвечать на нее с обыкновенным своим задором.

Будьте здоровы. Здесь было бы хорошо, когда бы не ужасные известия из Ильинского. [М. Н.] Островский еще не приехал.

Душ[евно] пред[анный]

К. Победоносцев

Гурзуф 16 сент[ября] 1891

Речь идет о статьях В. Буренина «Журнальные разговоры», в частности о «разговорах» XI, XII и XIV («Новое время» 1891. № 5568, № 5575, № 5582. Упоминаемой Победоносцевым статьи о Толстом в «Южном крае» найти нам не удалось.

Островский — Михаил Николаевич, министр государственных имуществ.

58

Недоумеваю, что за причина запрещения розничной продажи, постигшая «Московские ведомости»; не странно ли, что газета вполне русская, единственно патриотическая и самого благонадежного направления, подвергается каре едва ли не чаще чем другие газеты, и, напротив того, газеты самого вредного и фальшивого направления, развращающие публику, спокойно и безнаказанно продолжают свою деятельность. Какой Эдип разрешит эту загадку?

[Сентябрь 1891 г.]

Публикуется по выписке, сделанной Феокистовым в своем «Дневнике». Приведа эту цитату, Феокистов продолжает: «Зачем тревожить тень Эдипа, — и без него все разъясняется очень просто. П. П. Дурново — менее всего компетентный судья различных направлений, господствующих в нашей литературе, да и знаком он с ними весьма поверхностно. Но он такой любезный человек, что не может отказать в услуге своим товарищам по службе и друзьям. «Московские ведомости», говоря о воровском Святоградском братстве, задела Тертня Филиппова, хотя по форме и очень осторожно. Но Тертня пришел в ярость, бросился к Ивану Николаевичу с пеной у рта и требовал публичного возмездия за нанесенное ему оскорбление. Если бы имел он дело с графом Толстым, то не добился бы ничего, но повлиять на Дурново ему не стоило большого труда. Никакие мои доводы не помогли в этом случае» (Дневник Феокистова за 1890—1896 гг., лл. 31—31 об.). — Любопытно в письме Победоносцева подчеркивание исключительной роли «Московских ведомостей» среди современной прессы. Победоносцев и позднее доказывал одному из своих корреспондентов (П. А. Тверскому), что «Московские ведомости» ныне единственная газета, где разумный человек писать может без ругательств, ибо «вы все гоняетесь за каким-то идеалом честиности или за человеком «нашего лагеря», а дело совсем не в этом, в сфере печати». («Вестник Европы» 1907, № 12, стр. 662). Интересно сопоставить с этим отзыв В. И. Ленина о «Московских ведомостях»: «Ведь нельзя же назвать «политической» в собственном смысле литературу, которая в лучшем случае подбирает кое-какие интересные фактики и вздыхает вместо всяких «мудрствований». Не спорю, что это может быть очень полезно, но это не политика. Точно так же и литературу ново-временского пошиба нельзя назвать в настоящем смысле слова политической, несмотря на то (или лучше вследствие того), что она чересчур политична. Никакой определенной политической программы и никаких убеждений у нее нет, а есть только умение подделываться под тон и настроение момента, пресмыкаться перед властью имущими, что бы они ни предписывали, и заигрывать с подобием общественного мнения. А «Московские ведомости» свою линию ведут и не боятся

(им-то бояться нечего!) итти впереди правительства, не бояться касаться и иногда очень откровенно самых щекотливых пунктов. Полезная газета, незаменимый сотрудник революционной агитации!» (Ленин, Сочинения, изд. 3-е, т. IV, стр. 322).

59

Почтеннейший Евгений Михайлович,

Вот и издалеку надоедаю вам.

Вы читали в газетах, что гр. [Л. Н.] Толстой разрешает всем и каждому перепечатывать что угодно из последних томов собрания его сочинений. Это угрожает народу новой опасностью. Явятся спекулянты для дешевых изданий всякой его дребедени. Подумайте, что если «Крейцера соната», напр[имер], распространится в 3-копееч[ном] издании по чердакам, деревням и селам?

Я слышал от самого государя, что он разрешил жене его печатание «Крейцеровой сонаты» лишь в Полном собр[ании] сочинений. Надо иметь это в виду. Подумайте. Если цензура будет пропускать мелкие его издания, потом не поправить дело.

Нынче газеты распространены всюду, и дешевые издания приманивают публику приложениями. Подумайте, что это за яд: с дешевою газеткой проникают в деревню сквернейшие, развратные франц[узские] и англ[ийские] романы,—а ныне в деревне растет страсть к такому чтению! Ведь это нравственная порча целых поколений!

Послезавтра собираюсь выехать из здешних мест.

До свидания.

Душ[евно] пред[анный]

14 окт[ября] 1891, Гурзуф

К. Победоносцев

Письмо это было опубликовано в примечаниях к воспоминаниям Е. М. Феоктистова («За кулисами политики и литературы». 1848—1896. Л. 1929, стр. 236). «Разрешение» Л. Толстого впервые появилось в «Русских ведомостях» (1891, № 258, 19 сентября) в виде следующего письма «К редактору «Русских ведомостей»: «М. Г. Вследствие часто получаемых мною запросов о разрешении издавать, переводить и ставить на сцену мои сочинения, прошу вас поместить в издаваемой вами газете следующее мое заявление. Предоставляю всем желающим право безвозмездно издавать в России и за границей, по-русски и в переводах, а равно и ставить на сценах все те из моих сочинений, которые были написаны мною с 1881 года и напечатаны в XII томе моих полных сочинений издания 1886 года и в XIII томе, изданном в нынешнем 1891 году, равно все мои неизданные в России и могущие вновь появиться после нынешнего дня сочинения. Лев Толстой. 16 сентября 1891 г.» Срв. «Дневники Софьи Андреевны Толстой 1891—1897. Часть вторая». (М. 1929, стр. 57 и след.). В архиве Феоктистова сохранилось интересное письмо к нему С. А. Толстой, связанное с отказом Л. Н. Толстого от своих авторских прав. 24 сентября 1891 г. С. А. Толстая посылает Феоктистovu вырезку из «Русских ведомостей», сопровождаемая ее следующим письмом: «Прилагаю при сем печатное заявление мужа моего, гр. Л. Н. Толстого, которое вы, вероятно, уже прочли, считаю долгом своим предупредить вас, как начальника по делам печати, что за все то, что будет издаваться отдельно, помимо XII и XIII томов сочинений мужа моего, я впредь как издательница не считаю себя ответственной. Я лично слышала выражение воли государя императора и нежелание его видеть некоторые статьи мужа моего в отдельных брошюрах и изданиях, и потому считаю необходимым предупредить вас об этом и снять с меня по этому поводу всякие могущие возникнуть недоразумения и ответственность». (ИРЛИ, шифр 9072. Л1 6 89). Одновременно и сам Феоктистов обратился с какими-то увещеваниями к С. А. Толстой, которая 30 сентября 1891 г. отвечала, что она «передала моему мужу то, что вы пишете, да и письмо ваше, полученное в Ясной Поляне в то время, когда я была в Москве, Лев Николаевич читал. Он говорит, что он поступает по убеждению, а то, что произойдет после, то уже не касается его». И дальше: «Вы пишете, что будет запрещена только «Крейцера соната» в отдельных изданиях; я же поняла так, что вообще статьи с известным направлением не желательны в народном распространении. Полагаю, что немногие решатся на издание и что оговорка о «Крейцеровой сонате» может повлечь еще за собой равные переговоры. Понятно должно быть для всякого, что то, что позволено в «Полном собрании», не так легко разрешается в отдельном издании, и этот ответ цензуры должен удовлетворить всякого, без упоминания о личном желании его величества

государя. Что же касается до недовольства издателей, то это настолько неважно, что беспокоиться не стоит того. Недовольные тем или другим положением найдутся всегда» (там же).

Наконец уже значительно позже, 2 ноября 1892 г., С. А. Толстая снова обратилась к Феоктистову с письмом, касающимся свободной перепечатки последних произведений Л. Толстого. «Сегодня я получила,—пишет она,—письмо от сестры моей Кузьминской, в котором она мне сообщает, что рассказ, соч[инение] моего мужа, графа Льва Николаевича Толстого, «Крейцерова соната» продается отдельной брошюрой, ценой в 60 к. с. Не зная, кто издатель этой брошюры, я очень была удивлена, что она пропущена цензурой. Как я имела удовольствие сообщить вам, я лично слышала высочайшее изъявление желания, чтобы рассказ этот не издавался в отдельном издании, а только при полном собрании сочинений моего мужа. Мне было бы крайне неприятно, если б подозрение в издании этого рассказа пало на меня, так как я ни в каком случае и никогда не решилась бы сделать что-либо против высочайшей воли» (там же).

Об обстоятельствах разрешения печатания «Крейцеровой сонаты» Александром III см. «Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1891—1897. Часть вторая». (М. 1929, стр. 30). Против данного разрешения Победоносцев горячо протестовал и в обширном письме к Александру III (1 ноября 1891 г.), развернув полный арсенал своих аргументов и характеристик. «Толстой — фанатик своего безумия, — писал он, — и, к несчастью, увлекает и приводит в безумие тысячи легкомысленных людей. Сколько вреда и пагубы от него произошло — трудно и исчислить. К несчастью, безумцы, уверовавшие в Толстого, одержимы так же, как и он, духом неукротимой пропаганды и стремятся проводить его учение в действие и проводить в народ». И дальше, после подробного рассказа о кн. Хилкове, проникшемся религиозными идеями Толстого, отказавшемся от собственности, раздавшем землю крестьянам и т. д.: «Нельзя скрывать от себя, что в последние годы крайне усилилось умственное возбуждение под влиянием сочинений графа Толстого и угрожает распространением странных и извращенных понятий о вере, о церкви, о правительстве и обществе; направление вполне отрицательное, отчужденное не только от церкви, но и от национальности. Точно какое-то эпидемическое сумасшествие охватило умы». И в качестве последнего, наиболее существенного довода выдвигается «легенда о том, что вся эта вредная литература может расчитывать на защиту у вашего величества противу всякого стеснения речей и писаний, и эта легенда усилилась особенно после того, как принята была вашим величеством графиня Толстая» («Письма Победоносцева к Александру III», т. II, М. 1926, стр. 252, 253).

60

Почтеннейший Евгений Михайлович,

Возвращаю книжку. Признаюсь, что я задержал бы ее — и ради статьи [А. Л.] Волинского и ради статьи [В. С.] Соловьева в особенности. Это статья — цинически бесстыдная и соблазнительная. Что касается до Волинского, то его выражения способны произвесть еще большую путаницу в умах, размазывая содержание «Новой веры» [Л. Н.] Толстого, и в тех, кои самой «Веры» не читали

Душ[евно] пред[анный]

К. Победоносцев

7 нояб[ря] [1891]

Речь идет, очевидно, об октябрьской книжке «Северного вестника» за 1891 г., в которой помещены статьи А. Л. Волинского «Нравственная философия гр. Л. Н. Толстого» (стр. 185—215) и В. С. Соловьева «Наш грех и наша обязанность». Первая статья в основном использует криту Л. Толстого «В чем моя вера?», в то время запрещенную в России (см выше). Статья же Соловьева является, по его словам, «воззванием в виде заметки» об организации чего-нибудь против голода» (Вл. Соловьев. Письма. П. 1923, стр. 124). Это внимание прогрессивной прессы, вместе с очередным нападением на Соловьева «Московских ведомостей» за его якобы лжеучение в реферате, прочитанном в Психологическом обществе (см. статьи Ю. Николаева и Афанасьева в «Московских ведомостях» 1891, № 291 и последующую полемику в №№ 292, 293, 296, 300; срв. Письма Вл. Серг. Соловьева, т. III, стр. 196—208), вместе с определившейся тенденцией реакционно-правительственных кругов не придавать голоду в России большого значения, считать его несуществующим («нет голода, есть недород в некоторых уездах») — все это легло в основу резкого отзыва Победоносцева. На это

раз, однако, совет Победоносцева—задержать книгу—не был услышан главным образом, вероятно, потому, что книга уже была разослана подписчикам.

61

Почтеннейший Евгений Михайлович,

Помнится, вы мне говорили об издании [А. Н.] Веселовского, как имеющем научное значение и дорогую цену. Но если оно будет повторяться для народа и продаваться за дешевую цену—повсюду, и на жел[езных] дорогах,—это едва ли будет полезно.

Душевно пред[анный]

К. Победоносцев

17 нояб[ря] [1891]

И еще слово:

Не знаю, кто у вас управляет кораблем театральной цензуры, но думаю, что мало она обращает внимания на сцену, наводняемую безнравственными пьесами.

Вижу по газетам, что начинают у нас давать пьесы [Г.] Ибсена, и вот у [Ф. А.] Корша в Москве объявлена пьеса «Нора». Ибсен ныне входит в моду в Европе и прославляется новейшею школой реализма и позитивизма. Ныне летом я перечел его пьесы из любопытства и убедился, что если они расплодятся на нашей сцене, то произведут вредное действие на умы. Новейшая пьеса его «Гедда Габлер» приводит в негодование даже поклонников этого писателя.

«Издание Веселовского» — Джованни Боккаччо, Декамерон. Перевод Александра Веселовского с этюдом о Боккаччо, т. I, СПб. 1891 (цензурное разрешение 15 мая 1891 г.), т. II, СПб. 1892 (цензурное разрешение 14 декабря 1891 г.). Как сообщает П. К. Симоны, полный перевод «Декамерона», без всяких сокращений (Фм. Ленинградская Государственная Публичная Библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, шифр 18.330.3.8), был разрешен Главным Управлением по делам печати к выпуску в количестве 100 экз. с продажей по цене 100 рубл. за экземпляр и по особым разрешительным запискам переводчика. В общую же продажу было выпущено (по цене 10 руб. за экземпляр) издание с рядом пропусков (впрочем, незначительных по размерам). (См. П. К. Симоны, «Библиографический список ученолитературных трудов А. Н. Веселовского с указанием их содержания и рецензий на них. 1859—1906. Л. 1921, стр. 41). Повторение этого издания «для народа», сколько можно судить по материалам архива А. Н. Веселовского (ИРЛИ), не предполагало ни переводчиком, ни издателем («Т-во И. К. Кушнарев и К^о») и, повидимому, явилось в воображении Победоносцева как привычный жупел. См. также Дело Главного управления по делам печати 1894, № 38.

Вопрос об усвоении Ибсена на русской почве и влиянии творчества скандинавского драматурга на русскую литературу и драматургию представляет далеко не маловажный исследовательский интерес. К сожалению, вопрос этот не разработан. Как сообщает С. Д. Балухатый, «первая пьеса Ибсена, поставленная на русской сцене,—«Нора» в 1893 г. Но лишь в 1891—1892 гг. интерес к Ибсену делается заметным. В этом году ставятся «Доктор Штокман», «Северные богатыри», переводятся отдельно «Гедда Габлер», «Привидения», «Ингер из Эстрита», выходит собрание его сочинений. Увлечение Ибсеном начинается с 1896 г. и идет, возрастающая, до 1901 г.» («Проблемы драматургического анализа» Л. 1927, стр. 175). Скупые, по необходимости, сведения о распространении произведений Ибсена мы можем дополнить некоторыми библиографическими справками. До 1896 г. (т. е. за время управления цензурным ведомством Феоктистова) из произведений Ибсена переводились: «Нора» («Изящная литература» 1883, №№ 3—4; «Вестник иностранной литературы», 1896, № 5), «Дикая утка» (там же, № 6), «Доктор Штокман» («Артист» 1891, № 15), «Консул Берник» («Театрал» 1896, № 67), «Маленькая Энольф» («Новое время» 1895, №№ 6836, 6843, 6850), «Праздник в Сальгаус» («Артист» 1893, № 26), «Призраки» («Вестник иностранной литературы», 1895, № 9), «Северные богатыри» («Артист», 1892, № 20), «Столпы общества» («Вестник Европы», 1892, № 4), «Элида» («Артист», 1891, № 14). Параллельно шли также критические и биографические статьи об Ибсене: П. О. Морозова («Наблюдатель», 1884, №№ 10—11), Г. Брандеса («Пантеон литературы», 1889, № 9—10), Н. Мировича (там же, 1892, № 3), Ч. Ветринского («Колосья», 1892, № 6—7), Н. А. («Русское богатство», 1892, №№ 8—9), заметки в «Ниве» (1892, № 12), «Мире-божьем» (1893, № 11), «Семье» (1897, № 8). Как видно, интерес русских читателей к Ибсену оказался настолько сильным, что с ним вынуждена

была в какой-то степени считаться даже цензура. Впрочем, рекомендации Победоносцева и в данном случае не были совершенно напрасны: 30 декабря 1893 г. в докладе своему министру внутренних дел о журнале «Наблюдатель» Феокистов писал: «Из декабрьской книжки вынужден был он [т. е. издатель журнала — А. П. Пятковский. — И. А.] выбросить статью об Ибсене, соч. Мережковского. Статья эта посвящена восхвалению норвежского драматурга, пиесы коего, почти все, не допускаются на нашей сцене. Поступить иначе было немыслимо, ибо еще не так давно подобное же хвалебное сочинение об Ибсене Иегера было уничтожено по постановлению Комитета министров» (Дело Главного управления по делам печати, 1891, № 42, л. 186 об.; в этом же деле — обширный цензорский доклад об исключенной статье Мережковского).

В докладе же по поводу книги Иегера «Генрих Ибсен» Феокистов попробовал дать и более обобщающую оценку творчества Ибсена. «Норвежский писатель Ибсен, — писал он, — пользуется в последнее время значительным успехом за границей; число его драматических произведений громадно, у нас не более трех из них, и то с исключениями, допущены на сцену. Так как не желательно возбуждать в публике интерес к автору, произведения коего могут дурно влиять на умы, то Главное Управление по делам печати запретило в оригинале книгу Иегера, относящегося к безусловным восторгом к Ибсену» (Дело Главного управления по делам печати 1892 г., № 43, л. 12). Нельзя, конечно, сказать, что мотивы запрещения, и, шире — мотивы крамольности Ибсена — были в этом докладе изложены сколько-нибудь вразумительно: мотивы социального протеста, пронизывающие творчество норвежского писателя, были настолько ярки, что очевидно не вызвали потребности у руководителей цензурного ведомства в какой бы то ни было формулировке.

62

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Какая шушера все наши библиографические издания! Только в Москве издаются серьезно фирмой [П. П.] Шибанова «Библ[иографические] записки». Печатают они отзывы о книгах — пишут какие-то молодцы-недоучки, давая приговоры только излюбленным либеральным авторам, а над прочими глумятся! О «Книжном вестнике» как-то был у нас разговор. Они обещали излагать только содержание книг, но разве могут эти борзописцы удержать пыл свой!

Вот, посмотрите, прилично ли такое глумление — и только потому, что книга издана епископом! Труд, правда, мелочной, но нельзя сказать, что описание кладбищ есть труд бесполезный. За такую работу брались иногда и ученые люди. Но молодец не удержался от глумления!

Душ[евно] пр[еданный]

К. Победоносцев

9 янв[аря] 1892

Положительный отзыв Победоносцева о «Библиографических записках» (1892), ежемесячном журнале, выходившем под редакцией А. Н. Соловьева при издателе П. П. Шибанове, вызван, как можно догадываться, тем обстоятельством, что журнал много внимания уделял церковной старине и церковным деятелям. — «Книжный вестник» — «журнал книжно-торговой, издательской и литературной деятельности в России» (выходил с 1884 г.); содержание его составляли списки выходящих книг и рецензии на некоторые из них.

63

Почтеннейший Евгений Михайлович,

Я не встретил бы препятствий пропустить в печать эту брошюру*. Не касаюсь вопроса о театральном представлении на сцене, но лишь о печатном либретто. Замечу, что уже есть у нас либретто и оперы из Ветхого Завета. Я сам, при Николае Павловиче, слышал в Москве чудную оперу Мегюля «Иосиф», где на сцене все патриархи; кроме того есть «Иудишь» [А. Н.] Серова.

Вчера явился ко мне г. [В.] Миллер, издатель «Русского листка» (коего я в первый раз вижу), конечно с ходатайством. Он просил о расширении

* Либретто русской оперы «Самсон и Далила». [Прим. Е. Феокистова]

программы, но ему было летом отказано (как он уверяет, по интригам [Н. И.] Пастухова, желающего устранить конкуренцию). «Листок» его отчасти известен мне: он изобилует церковными известиями и известиями о расколе и московских его агентах,—кои весьма неприятны раскольникам.

Душ[евно] пред[анный]

К. Победонос[цев]

21 окт[ября] 1893

64

[А. С.] Суворин, вернувшись из Парижа, представляет уже из себя судию вселенной. Теперь он завел полемику о расколе, которая может разгореться и причинить нам новые заботы. Я уже советовал [В. А.] Грингмуту прекратить свою полемику, дабы не вызывать новых статей Суворина. Теперь они подходят к щекотливому предмету о Соборах 1667 года. Суворин не хочет даже рассудить хорошенько дела, не зная его, и будет твердить свое. После первой его статьи я вызывал его поговорить с нами о сущности дела, но он уклонился и написал мне письмо, обличающее только его неведение и задор.

Не случится ли вам увидеть его? Посоветуйте ему воздержаться от этой щекотливой и небезопасной полемики, возникшей, в сущности, по поводу сентиментальной переписки [И.] Янышева с франц[узским] священником о братском соединении католиков с православными!

Душ[евно] пред[анный]

К. Победоносцев

29 дек[абря] 1893

В 1893 г. по поводу франко-русских празднеств католический священник Жонке и духовник царя И. Янышев обменялись письмами «с любовью, как дети одной и той же христианской религии, хотя двух церквей». В связи с этим А. Суворин в одном из своих фельетонов («Маленькие письма», CXIV—«Новое время», 1893, № 6366, 17 ноября) писал: «Я хотел бы быть в настоящее время православным священником, и притом обладать ученостью, красноречием и сердечностью о. Янышева. Я хотел бы это для того, чтобы написать такое же письмо, в тех же выражениях братства и любви во Христе, с тою же, нет, еще с большею, гораздо большею убедительностью в «близости по вере», в любви к нашему государю, в любви к нашей родине России и т. д., но это письмо я написал бы... к старообрядческому священнику». Вот эта-то постановка вопроса о расколе и вызвала ту полемику, о которой упоминает Победоносец. «Московские ведомости» в статьях редактора С. Петровского взяли на себя полностью защиту полицейской победоносцевской борьбы с расколом, и Суворину приходилось напоминать, что «Катков, сколько мне известно, писал знаменитый адрес старообрядцев императору Александру II, где было сказано: «в новизнах твоего царствования нам слышится старина». Наследники его видят в расколе только дух непокорности и вражды» («Маленькие письма», CLIV—«Новое время», 1893, № 6401, 22 декабря). Совершенно очевидно, что, полемизируя с Петровским, Суворин метил выше—в Победоносцева; этим объясняется желание Победоносцева «поговорить» с Сувориным и прекратить полемику.

65

Предупредить вас хочу, почтеннейший Евгений Михайлович, о поднявшейся в печати скверной промышленности спекулировать известиями о святых, подвижниках и чудесах. Главный центр в Москве. Это отвратительное дело. Вот уже 2 года гуляет там мещанин под видом странника Антония, ходит босой, в веригах, привлекает тьму народа,—в сущности плут ловкий. Собирает большие деньги, жертвуют по церквам вещи—и прослыл за святого. К сожалению, ныне в Москве—хаос, полиция в согласии с ним, и хотя следовало бы давно выслать его, его оставляют продолжать свою деятельность. Между тем он агитирует через московские и здешние дешевые листки, которым мож[ет] быть платит, а они спекулируют на вкус своих читателей.

«Русский листок» в каждом № печатает рассказы об его подвигах,—молитвах, благодеяниях, исцелениях и пр. Эти статьи пишет еврей Струсберг под именем [А.] Павлова; а здесь «Петербур[ургский] листок» печатает рассказы еще бесстыднее. Мало того, эти гнусные статьи теперь перепечатывают в виде брошюр, и за них ухватилась мелкая книгопродавческая спекуляция.

Сегодня у Энгельгардта усмотрел присланные к нему 2 рукописи, представленные для одобрения к печати. Одна под назв[анием] «Странник Антоний». Составил Соколович. Издание книгопр[одавца] Холмушина. Другая, под назв[анием]: «Странник Антоний, томский мещанин Антон Петров. Ходит босой и носит вериги». На обертке портрет. Это перепечатка статей «Петербур[ургского] листка». В среду будут рассм[атриваться] в Комитете, который, пожалуй, пропустит.

Прошу вас—внушите не пропускать, а отправить в дух[овную] цензуру, куда непременно надо направлять все подобные вещи и сказания о чудесах.

На-днях, по определению Синода, пошлю офиц[иальную] бумагу м[инист]ру Вн[утренних] Дел, с просьбой запретить всем газетам печатать без разрешения дух[овной] цензуры все известия о чудесах, исцелениях и т. под. Едва не каждый день теперь являются в хронике известия о чудесах Иоанна Кроншт[адтского] и тому под[обное]. Очевидно, и это дело газетной спекуляции.

Душ[евно] пр[еданный]

К. Победоносцев

21 марта 1894

Речь идет о фельетоне А. Павлова «У странника Антония» («Русский листок», 1894, №№ 76—80, 82, 83, 85). Об этом «страннике» интересные сведения сообщает А. Н. Львов, заведующий синодским архивом, в своем дневнике (запись 10 апреля 1894 г.): «Все говорят в городе и пишут в газетах о каком-то страннике Антонии, явившемся в Петербург босиком и в веригах. Это последнее создало для него ореол святости. Народ валит к нему тысячами и несет, конечно, всевозможные приношения — и большие, и малые. Такие явления повторяются ныне все чаще и чаще, и составляют просто знамение времени. Относительно таких безобразных проявлений всяких ханжей и проходимцев и писания об них не принимается никаких, ни полицейских, ни цензурных мер. Можно ожидать, что скоро их будут возводить в звание «синодальных странников», как есть теперь синодальные миссионеры. Удивительное, право, время!» («Князь церкви» Из дневника А. Н. Львова—«Красный архив» т. XL, 1930, стр. 112).

66

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Перед отъездом моим пришла от вас бумага о справке московской синод[альной] типографии [М. В.] Никольском, чтобы допустить его к занятиям по цензуре.

Я прошу вас обратить внимание на этого Никольского. Он человек и ученый, и умный, и с образованием, и был бы прекрасным у вас цензором. Для нас он полезен по своим знаниям, но хочет уходить от нас. Мы не удерживаем его, вот по какой причине. Он рассчитывал после ухода Шишкова быть директором типографии, но этого нельзя было сделать, ибо для этого места требуется сложная хозяйственная и счетная деятельность и надо было искать соответственного человека. Никольский счел себя обиженным, и это, при болезненном его настроении, отражается на отношениях его к новому начальству. А для такой деятельности, какова цензорская, я могу всячески рекомендовать его.

Третью неделю живем здесь, но лишь на-днях стало тепло. Спокойствие наше омрачено заботою о здравии государя. Повсюду в России теперь смущение вследствие неизвестности, и следовало бы печатать известия о нем, что я внушаю [И. И.] Воронцову[-Дашкову], но напрасно. Государь слаб, это правда, но могут бог знает, что подумать — между тем, он бывает в церкви.

ездит к дочери в Ай-Тодор, прогуливается, катается по окрестностям. Всех возмущает, что алчный и капризный [Г. А.] Захарьин уехал, оставив при нем молодого прислужника своего Попова. Но теперь Захарьина вызывают сюда, а также и Лейдена.

Здравствуйте и да хранит вас бог.

Душ[евно] пр[еданный]
К. Победонощев

Гурзуф 28 сент[ября] 1894

Нико ль с к и й, Михаил Васильевич (1848—1918), археолог, гебраист и ассириолог. Попав, по рекомендации Победоносцева цензором в Московский цензурный комитет, он в 1900-х годах был сделан членом Совета Главного Управления по делам печати. Для его характеристики весьма показательны озлобленные отзывы о марксистской периодической печати, 1896—1906 гг. (см. «Красный архив», т. XVIII, 1926, стр. 186—188, 191—192).

67

Прочел я статью [Л. Н.] Толстого. Она была бы прекрасна, если бы он ограничился одною темою о том, что нравственность основана на религии, но он хочет выразить,—хотя и прикровенно,—что такое религия, по его мнению, и впадает в путаницу понятий и выражений противоречивых, которые путают мысль. Я отметил карандашом некоторые места. В них выражается все та же безумная мысль его о каком [-то] абсолютном отношении совести—к чему?—к букве закона, им произвольно толкуемой, и о свободе человека от всякого гражданского закона, который он, по этому личному толкованию, признает безнравственным. Он осуждает мать, жертвующую собою для детей, гражданина, жертвующего собою для отечества и пр., и в то же время признает, что самоотвержение и любовь спасают общество! Что за путаница!

Пускай бы эта статья попала в «Вопросы философии» [Н. Я.] Грота—там всякая всячина. Но, если не ошибаюсь, журнал [Я. Г.] Гуревича назначен для юношества и для семейного чтения. В таком случае приходится споткнуться на недоумении: какое действие произведет статья в этом помещении?
К. П.

26 дек[абря] 1894

Какая разница между этим хитросплетением Толстого и ясным изложением той же мысли у Брюнетьера! У последнего твердая почва под ногами, а Толстой стоит на облацах воздушных!

Имеется в виду статья Л. Толстого «Противоречия эмпирической нравственности» («Северный вестник», 1895, № 1); статья эта под заглавием «Религия и нравственность» еще за несколько месяцев перед тем представлялась в цензуру, при чем «цензор не усмотрел препятствий к появлению статьи этой под предварительной цензурой. Значительная же часть членов Комитета, совместно с председательствующим, полагает, что это новое религиозное поучение графа Льва Толстого не может удовлетворить цензурным требованиям. Этот известный автор, взявшийся за религиозную проповедь на закате своей жизни, везде умалчивает об откровенной религии, о тех учениях христианства, в которых воспитывались и живут наши поколения. Его одинаково удовлетворяет и мораль первобытных язычников, и та мораль, которую он, сколько желает, воспринял от христианства; одинаково хороша нравственность, лишь бы она вытекала из религиозных верований каких бы то ни было. Такие взгляды, проводимые в простодушных рассуждениях, легко спутывают ум неглубокого читателя и дают повод к обобщениям, ничего общего не имеющим с господствующим учением нашей христианской религии» («Красный архив», т. I, 1922, стр. 415; ЛОЦИА, Дело Главного управления по делам печати 1894, № 12, лл. 118 и сл.). На основании этого отзыва Комитета Феокистов указал, что статья «должна быть запрещена к печати» (там же, стр. 416). Однако после того, как статья Толстого, с измененным заглавием и ничтожными изменениями в тексте, подала на просмотр к Победоносцеву и не была категорически признана им подлежащей запрещению, тот же Феокистов, в письме к председателю Петербургского цензурного комитета (28 декабря 1894 г.) указывал: «В «Северном вестнике» г-на Гуревича появится статья графа Льва Толстого «Противоречия эмпирической нравственности». Так как

в статье этой трактуется вопрос о религии, то я просил К. П. Победоносцева просмотреть ее — и оказалось, что к напечатанию ее не встречается препятствий» (там же, стр. 416).

68

Читаю в газетах объявление об издании «Русской беседы». Ожидаю всяческих фантазий, ибо вижу во главе [А. В.] Васильева, [А. Н.] Аксакова и пр[очих] псевдо-славянофилов. Не видно, какое будет издание, — без цензуры или под цензурою.

Но при журнале объявлена еще и газета под прежнюю фирму «Благовест». Она издавалась доньше под духовною цензурой, и желательно, чтоб так и впредь было, хотя эта газета своими фантазиями на богословские темы и бреднями социалистического оттенка не мало доставляла затруднений. С год тому назад Васильев приходил ко мне с желаниями освободиться от цензуры и не успел. Подозреваю, что нынешнее соединение с «Русскою беседой» имеет в виду косвенно достигнуть той же цели.

Здравствуйте на новый год!

Душ[евно] пред[анный]

К. Победоносцев

31 дек[абря] 1894

«Русская беседа» — «ежемесячное литературно-политическое издание» — была преобразована в конце 1894 г. из прежнего «Галицко-Русского вестника» (1894). Издателями «Русской беседы» числились А. В. Васильев, Е. А. Евдокимов и В. С. Драгомирецкий. «Благовест» выходил как ежемесячное приложение к «Русской беседе» под редакцией «кормчего» Ф. Четыркина.

69

Почтеннейший Евгений Михайлович,

Я нарочно ходил сегодня к [Г. Г.] Даниловичу. Оказывается, как я и думал, что вся эта история о записке создана или сплетней или самохвальством [Г. К.] Градовского.

Данилович совсем слепой человек, ни читать, ни писать не может и уклоняется от всякой в этом роде деятельности. В разговоре с ним я узнал, что недавно был у него один из знакомых, его навещающих, и говорил ему что-то в этом роде по поводу пересмотра правил иностранной цензуры и склонял его к какому-то действию. Но Данилович отвечал ему, что это не его дело и что он советует обратиться с заявлением этого рода к м[инист]ру внутр[енних] дел, — и еще прибавил, что следовало бы в подобном заявлении указать и способы, как оградить от напыльва вредных и возмутительных книг и памфлетов.

Если буду на-днях наверху, постараюсь и там разведать, не было ли чего.

Душ[евно] пред[анный]

К. Победоносцев

8 янв[аря] 1895

Данилович, Григорий Григорьевич (1825—1906), генерал, воспитатель Николая II. Настоящее письмо отражает какие-то попытки бюрократической верхушки воспользоваться близостью Даниловича к молодому царю и втянуть его в сеть дворцовых интриг. О Даниловиче см. статьи Прокофьева («Русская старина» 1908, № 9), Ельницкого («Педагогический сборник», 1906, № 6).

Упомянутая в письме «история о записке» подробно разъясняется в дневнике Феофтистова (запись 14 января 1895 г.): «Журналисты намерены подать государю петицию, в которой указывают на невыносимое будто положение печати, на тяжкий гнет, подавляющий ее, на необходимость пересмотра цензурного устава в духе либеральном. По словам графа Делянова, сообщившего мне об этом, редактировал упомянутую просьбу Градовский, не бывший профессор Петербургского университета, а так называемый Гришка Градовский, человек ничтожный и наглый, один из сотрудников польско-жидовской газеты «Новости». Говорят, будто этот

плюгавец успел собрать не менее ста подписей, но чрез кого же подать просьбу государю? Делянов слышал, будто обратились к генералу Даниловичу и тот не поколебался выразить согласие. Так как Данилович был рекомендован покойному государю Победоносцевым, который вообще находится с ним в хороших отношениях, то я просил Константина Петровича разъяснить упомянутой казус». (ИРЛИ). Ответом на это обращение и явилось печатаемое письмо Победоносцева; Феоктистов выписывает в своем дневнике отрывки из него и заканчивает запись глубокомысленным выводом: «Вероятно попытки будут повторяться; для наших так называемых радикалов важнее всего овладеть печатью, кто же этого не понимает».

70

Вчера был наверху и там ничего не нашел, что подтверждало бы басню о Красовском.

Нашел, напротив, негодование против газетных выходов и бесчинств. Сначала в[еликий] к[нязь] Георгий Михайл[ович], бывший дежурным, говорил с негодованием о статье в посл[едней] кн[иге] «Вестн[ика] Европы» о покойном государе. То же впечатление видел я и у юного государя.

Ах! Время действовать — и для чего не прихлопнуть совсем мерзкую «Русскую жизнь» решением 4 министров!

Душ[евно] пре[данный]

К. Победоносцев

11 янв[аря] 1895

Негодование великого князя и царя возбудило «Внутреннее обозрение» декабрьской книжки «Вестника Европы», в частности страницы его (840—853) посвященные характеристике царствования Александра III.

«Русская жизнь» была тогда же, в январе 1895 г., прекращена постановлением совещания четырех министров — без всякой мотивировки, с глупой ссылкой на примечание к ст. 148 Цензурного устава (Вл. Розенберг и В. Якушкин, «Русская печать и цензура в прошлом и настоящем». М. 1905, стр. 212; срв. «Всемирный вестник», 1908, № 8, стр. 53—54).

71

Прочел.

Статья г. [В.] Чуйко «Современный анархизм» не возбуждает никаких мнений. Это лишь изложение учений Прудона, Бакунина и пр., но изложение критическое, с целью показать их совершенную нелепость. А самому указанию на существование этих учений невозможно воспротивиться.

Иного рода статья г. [А.] Трачевского. Эта статья скверная по своему тону, что можно усмотреть уже из первой страницы.

Но что с нею делать? Если бы журнал был под цензурой, цензор никоим образом не должен был пропускать эту статью.

За помещение такой статьи стоило бы отдать журнал под цензуру; стоило бы, по мнению моему, дать предостережение.

Но я не знаю, есть ли резон несть книжку в Комитет Мин[истров] (тем более, что в других журналах оставляют без подобной кары книжки со статьями не менее скверными). И не мудрено, что в Комитете Министров это именно будет замечено.

К. П.

2 февр[аля] 1895

1 февраля 1895 г. председатель Петербургского Цензурного Комитета доносил Феоктистову, что «вызванный... по приказанию вашего превосходительства редактор журнала «Наблюдатель» — Пятковский категорически не соглашается на требование, предъявленное мною, об исключении статей «Новые умственные течения в современной Германии» — г. Трачевского и «Современный анархизм и его теории» г. Чуйко. — Он ссылается на благонамеренное направление своего органа и на то, что обо всех теориях, излагаемых в инкриминированных статьях, уже писалось во многих периодических изданиях, как например в «Московских ведомостях» (Дело Главного управления по делам печати 1881, № 42, лл. 175—

175 об.). Подробно эти свои доводы А. П. Пятковский изложил в пространной жалобе, адресованной на имя И. Н. Дурново (там же, лл. 176—177). С своей стороны, Феоктистов, проинструктированный публикуемым письмом Победоносцева, обратился с соответствующим докладом к министру внутренних дел. Вывод из этого доклада был сделан министром, который в «распоряжении» 15 февраля 1895 г., «принимая в соображение, что журнал «Наблюдатель» продолжает упорствовать в своем предосудительном направлении, доказательством чего служит напечатанная в февральской книжке этого издания статья «Новые умственные движения в Германии», явно проникнутая сочувствием к социалистическим теориям», «определил» объявить журналу первое предостережение («Дело, лл. 193—194 об.).

72

Только что запечатал пакет вам, как получил эту бумагу от государя. Тотчас я написал ему подробно, что за негодай [А. А.] Пороховщиков со своею газетой, а вам посылаю прочесть самую просьбу, как образец наглости этого человека.

Прошу возвратить мне эту просьбу завтра поутру — я отошлю ее обратно государю. Не сомневаюсь, что просьба оставлена будет без всякого действия.

Но думаю, что лучше не говорить И. Н. Дурново, — чтоб не обиделся, что не к нему послана. Я писал государю о проделках П[ороховщико]ва; извольте распросить Мин[истра] Вн[утренних] Д[ел].

Но вот еще урок — не разрешать издание новых газет. Проходимость Пор[оховщико]ва было давно известно.

К. П.

10 февр[аля] 1895

О А. А. Пороховщикове см. выше примечание к письму 12 июня 1888 г. В 1895 г. издававшаяся им газета «Русская жизнь» была прекращена вмешательством цензуры. Пороховщиков апеллировал к высшей инстанции — самому Николаю II; последний, как видно, запросил мнение Победоносцева, который тотчас же ответил возмущенным письмом с уничтожающей характеристикой Пороховщикова. «Правда, — писал Победоносцев, — никак не на стороне Пороховщикова, — а нагая, бесстыдная ложь. Этот человек давно известен своим нахальством и привычкой добывать деньги всякими средствами, и надобно только дивиться, как разрешили ему издание газеты». Далее он обвиняет Пороховщикова в том, что тот «занимается мелкою интригою и сделками, близкими к шантажу», что газету свою «он принялся издавать... на жидовские деньги и на чью угодно, кто заплатит и кто наймет газету», которая «наполнялась статьями нагими, ругательными до невозможности и совершенно противоправительственными». В качестве же решающего довода Победоносцев выдвигал то, что «Пороховщиков — человек без образования, но наглости непомерной, доходящей до того, что иной раз можно было спросить: в уме ли он?» («Письма Победоносцева к Александру III с приложением писем к в. кн. Сергею Александровичу и Николаю II», т. II. М. 1926, стр. 305—306). Вряд ли приходится сомневаться в том, что письмо это возымело свое действие на Николая II.

Замечание Победоносцева об уроке — «не разрешать издание новых газет» должно было найти живейший отклик и поддержку и в Феоктистове, и в министре внутренних дел И. Н. Дурново. В. Г. Короленко записал в своем дневнике, что «Феоктистов, довольно грубо объявляя С. Д. [Протопопову] об отказе [в разрешении приобрести право на издание газеты], прибавил: «Министр не хочет. Эти газеты все плодятся, все плодятся, а министр этого не хочет» (Владимир Короленко, «Дневник», т. II. ГИУ. 1926, стр. 255).

73

Просмотрел всю книжку (интересную для любителя прежней литературы) и прочел «Три притчи».

Не стоит идти с ним в Комит[ет] министров и не выгорит дело. В сущности, ведь всем известны толстовские идеи, особливо о непротивлении злу, и все эти притчи одним ничего не скажут нового, — других заставят улыбнуться.

К. Побед[оносцев]

17 марта [1895]

Письмо извлечено из дела Главного управления по делам печати 1895, № 8, л. 26. Речь идет о книге «Почин. Сборник Общества Любителей Российской Словесности на 1895 г.», присланной Московским Цензурным Комитетом в Главное управление по делам печати для окончательного разрешения к выпуску в свет. В своем донесении Московский Цензурный Комитет объяснял, на основании отзыва цензора, что «издание обращает на себя внимание и, главным образом, в том отношении, что большая часть статей посвящена характеристике поэтов и писателей сороковых и шестидесятых годов и однородных с ними из других эпох, при чем писатели рассматриваются не столько с точки зрения художественности и литературных достоинств, сколько как убежденные носители освободительных идей. Есть в сборнике и новое произведение г. Толстого «Три притчи» (там же, л. 25). Однако, после снисходительного отзыва Победоносцева, сборник был выпущен без всяких изъятий и ограничений.

74

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Потрудитесь просмотреть эту переписку.

На первое письмо я отвечал редактору, что не вижу никаких препятствий поместить статью «Stadestek», впрочем не понимаю, зачем он меня спрашивает.

А теперь он пишет мне второе письмо.

Не понимаю строгости цензора и в отношении переписки Эд[иты] Раден с Беркгольцем.—Это драгоценные письма, кои жаль будет утратить. Беркгольца я знал — едва ли у него могли быть трубые и резкие выражения. А что он был «überwunderer Balte»,—что тут удивительного? И Эдит была тоже дочь своей страны — но оба высокой культуры.

Душ[евно] пред[анный]

К. Победоносцев

14 окт[ября] [18]95

Переписка Э. Раден с Беркгольцем напечатана в «Русском обозрении» (1896, №№ 1, 4, 6, 8), повидимому, полностью, без цензурных урезок.

75

Не могу еще опомниться от подавляющего впечатления от этой записки и вашего рассказа. Это какой-то кошмар.

Но что делать?

Я думал было сначала ехать к государю завтра. Но рассудил, что будет неблагоприятно теперь. Общий вопрос оставлю до другого раза.

Надо ответ [Д. С.] Сипягину. Спешить им нечего, а ответ не труден.

Я отвечал бы ему так:

1. По существу. Записка эта, если и не была напечатана, не могла бы быть и по содержанию своему удостоена представления государю. По содержанию — это горячечный бред сумасброда; по изложению — дерзкий и наглый тон ее и фельетонный язык не соответствует достоинству выс[очайшей] власти. А многие места в ней (указать страницы) таковы, что, появившись в печати и для публики, привлекли бы автора и издателя к строгому уголовному наказанию по уголовным законам.

2. Порядок обжалования. На распоряжение Ценз[урного] комитета следует жаловаться министру внутр[ениих] дел,—каковой жалобы принесено не было, следов[ательно] по силе § инструкции Сипягину (лично устан[авливающего] властей) всепод[даннейшая] жалоба Романова во всяк[ом] случае не подлежит принятию и не может иметь хода.

[И. Л.] Горемыкин хотел ехать в четверг на доклад. Но тут пусть бы еще не касался этого дела. А затем, послав ответ Сипягину, он после при докладе мог бы решительно и серьезно выразить государю свое мнение об этом инциденте.

А я при первом случае постараюсь им воспользоваться для разъяснения общего вопроса.

В конце своей бумаги Сипягин упоминает о другой записке, которую Романов в конце своего писания обещает в виде приложения.

Боже! вот до чего мы дожили!

Душ[евно] пред[анный]

К. Победоносцев

2 апр[еля] 1896

Боже сохрани — уступать. Мин[истерство] Вн[утренних] Д[ел] не может уступить в этом случае.

Содержание этого письма подробно прокомментировано самим Феофтистовым в записи «Дневника» 19 апреля 1896 г. «Некто Романов, — записывает он, — чиновник особых поручений в министерстве земледелия и государственных имуществ, задумал пересоздать весь государственный и гражданский строй России; в Главное управление по делам печати поступила брошюра его, весьма обширная, под заглавием: «Дело императора Александра III как логическое развитие идеи 1613 года». Положительно никогда не появлялось у нас ничего подобного: это какой-то горячечный бред; дерзость тона и фельетонное изложение превосходят всякое вероятие. Приведу некоторые отрывки. Автор заявляет, что наступило время «увенчать здание, насадить в России конституцию, хотя бы на первое время и куцую». По мнению автора, православная церковь представляет собой нечто мертвенное. «Православие есть обман, не божественное нечто, а лицемерное постное масло, нравственный смрад, полицейская дубина, которую хотят устрашать дураков и заставить их, из боязни загробных мук, мириться с атмосферой всем видимых лицемерия и лжи; если так, то не нужно церкви, égasez l'infâme, и кто словом или делом служит ей, тот подлец». С точки зрения автора, вся наша администрация не что иное, как мертвящая рутинка; он характеризует ее таким образом (привожу здесь буквально его собственные слова): «Область рутины — все то, что объеменяется понятием казны; ее храм — Петербургская канцелярия, ее жрец — мертвый чиновник; ее психология — упразднение совести; ее орудие — лести и обман; ее прошлое — 1 марта (т. е. умерщвление императора Александра Николаевича); ее будущее — опять 1 марта, всегда 1 марта, ибо не может быть чтоб чрез десять или сколько там лет роковое стечение обстоятельств не повторило во всех подробностях 1 марта». Приведу еще одно место из брошюры: «Самодержавие сводится к тому, чтобы прикрывать своею безответственностью, недоотзываемостью все безумие и все безобразия нелепого, бездарного чиновника; эта возмутительная, скрипучая ложь подмасливается елеем православия, попы провозглашают пламенные комплименты нерушимым священным долгом и хотят уверить, будто сам бог велит признавать этот мир лжи, лести и разврата лучшим из миров. В таком случае не нужно ни этой лучшей власти, ни этого лучшего божества; камня на камне не надо оставить, все взорвать». Впрочем, достаточно этих примеров, всех красот не воспроизведушь. — Можно предположить, что Романов страдает расстройством умственных способностей, а для сумасшедшего закон не писан, но хорошо отличился и Сипягин [в то время — главноуправляющий «собственной его величества канцелярией по принятии прошений на высочайшее имя». — И. А.]. — Он прислал министру внутренних дел [И. Л. Горемыкину. — И. А.] официальную бумагу, в которой говорит, что брошюра «Дело императора Александра III» была предпринята Романовым с его, Сипягина, ведома, что он, Сипягин, сам просматривал ее в корректурных листах, одобрил ее к напечатанию и обнадежил автора обещанием представить ее на высочайшее его величества благоволение. Он выражал удивление, каким же образом брошюра могла быть арестована: ему казалось совершено основательным намерением автора обжаловать распоряжение Главного управления по делам печати и требовать вознаграждения за причиненные ему убытки: таким образом, Романов не только вышел бы с торжеством, но и покарал бы цензурное ведомство. — Глупому Сипягину было объяснено, что не только цензурному ведомству, но и министру внутренних дел не было известно о намерении представить мерзейшую брошюру Романова государю императору, что впервые министр узнал об этом из бумаги, присланной Сипягиным, что цензурное ведомство только исполнило свою обязанность. — Испуганный Сипягин, по получении ответа, немедленно прискакал к Горемыкину и начал уверять, что хотя он и просматривал брошюру, но не всю, а как нарочно попадались ему в ней только такие места, которые, сравнительно с другими, не особенно предосудительны. И этого человека считали джентльменом! Оказывается, что он просто лгун. Впрочем, вернее объяснить его образ действий тупоумием. Но ведь он занимает важный пост, является с личными до-

кладами к государю? сколько же при своем тупоумии может он наделать нелепостей! Но его не устроят, ибо он пользуется расположением вдовствующей императрицы» (Дневник за 1890—1896 гг., лл. 70—71 об.).

76

Почтеннейший Евгений Михайлович,

Я собираюсь уехать завтра в Москву, а вы вероятно на днях будете петь освобождение из плена, и прощаться с рыцарями печати!

Если бы пришлось вам видеть одного из сих рыцарей, [А. С.] Суворина, нет ли возможности внушить ему, как непристойно писать восторженным тоном убеждения о том, чего он не знает да и знать, видно, не хочет, ибо все хочет слышать одну сторону, не желая слышать другую и узнать настоящую суть дела.

Вчера, видно вдохновленный бестактною статьей [Э. Э.] Ухтомского «Савле, что мя гониши?», он выпалил статьей о расколе.

Разве он не знает, что такое Рогожская лжеиерархия? На Рогожском построен храм больше Успенского собора. Хотят, во имя свободы, чтоб там свободно являлся пред народом ложный архирей, именующий себя архиепископом московским и всея Руси, в облачении митрополита московского? Что же народ, кого признавать будет? Притом этот ложный архирей (из мужиков еще) себя одного именует истинным, а настоящего именует ложным. Можно ли допустить это во имя свободы? В таком случае надлежало бы допустить и другого царя-самозванца, в пышной царской одежде и чине царском.

Спросил бы себя г. Суворин, что если бы в дом его явился некто именующий себя Алексеем Сувориным, сел бы в его кабинете, прошел бы в спальню к жене его? Потерпел ли бы это г. Суворин во имя свободы? Думаю, что нет. Не потерпели бы и слуги его, ибо распознали бы истинного хозяина по чертам лица его. А если это был двойник Суворина, близнец, как две капли на него похожий? Прислуга могла бы обмануться и признать фальшивого за истинного. Что тогда?

Пуускай бы подумал об этом г. Суворин!

1 мая 1896

К. Победоносцев

Пишу в Цар[ском] Селе

«Освобождение из плена» — отставка Феоктистова и назначение его сенатором, о чем он уже давно мечтал. Еще 23 марта 1895 г. он записал в дневнике: «Сегодня [И. Н.] Дурново сообщил мне, что министр юстиции [Н. В.] Муравьев выразил полную готовность ходатайствовать пред государем о назначении меня в Сенат, и несколько не сомневается в успехе, но назначение это может состояться лишь в начале следующего года, ибо намечено уже несколько других лиц, которые прежде меня получили обещание. Жаль, приходится ждать». (Дневник за 1890—1896 гг., л. 69). Причин столь нетерпеливого ожидания отставки было несколько; главнейшие из них — быстро прогрессирующее одряхление Феоктистова (маразм) и связанная с нею лень, мало ввязавшаяся с столь «активной» должностью, как должность начальника цензурного ведомства.—Отставка Феоктистова и назначение ему преемника вызвали довольно оживленные интриги и столкновения в бюрократической верхушке, главным образом, между Победоносцевым и С. Ю. Витте, из которых каждый желал провести «своего» кандидата. По словам Суворина, Витте «говорил Кочетову, что назначит на место Феоктистова... человека, при котором Суворину будет петля» (Дневник А. С. Суворина. М. 1923, стр. 88; запись 14 апреля 1896 г.). Сам же Феоктистов, «оставляя свой пост, утешал радовавшихся редакторов, что после него «еще хуже будет». Предсказание оправдалось. Феоктистову наследовал М. П. Соловьев» (Г. К. Градовский. «Из минувшего».—«Русская старина», 1908, № 1, стр. 82).

77

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Благоволите прочесть прилагаемое письмо. Стоит собрать и просмотреть поименованные книги, особливо «Золотой букет». И, право, надо бы

подумать о средствах к предупреждению вольного распространения пакостей в народе.

Что кас[ается] до объявлений Леухина, Залеского и пр. на особых листах с комментариями, то кажется слишком снисходительна к ним цензура.

Если [нрзбр.] мы уничтожаем для школ, то тем более стоят внимания скверные спекуляции в книгах для народа.

Душ[евно] пред[анный]
Победоносцев

16 февр[аля]

78

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Завели народный театр и радуются. Есть чему!

Если этот театр оставят, — как и все прочее, без надзора, он послужит лишь новым орудием к развращению народа.

Желательно знать, кто держит цензуру пьес для этого театра?

Вот напр[имер] пьеса «Заветный клад» с обстановкой раскольничьего быта. Что это такое, и кто смотрел?

Душ[евно] пред[анный]
К. Победоносцев

11 дек[абря]

С. А. Рачинский здесь.

79

С благодарностью возвращаю гранки.

Удивительное извращение мысли у гр. [Л. Н.] Толстого. Точно она зашла в лабиринт закоулков и узких коридоров и не может из него выбраться на свет божий!

Что говорится у него на 2, 3, 4 гранках — все это можно читать с сочувствием и пользой. Но на 1 гранке и на 5-й совсем безумные речи и отсутствие всякой пропорции. Если бы гр. Толстой мог поступиться своим самолюбием и согласился бы на исправление редакции, статья могла бы итти, но в настоящем виде не может, а он конечно не уступит из нее ни одной иоты.

Душ[евно] пр[еданный]
К. Победоносцев

8 мая

Материал настоящей публикации составляют, в основной своей части, письма Победоносцева к Феоктистову, хранящиеся в архиве последнего (Институт Русской Литературы Академии Наук СССР); отдельные письма извлечены из дел цензурного ведомства (ЛОЦИА). При публикации ряд писем, не представляющих сколько-нибудь значительного общественно-литературного интереса, опущен: из общего количества выявленных 97 писем публикуются нами 79. Для комментария использованы кроме печатных материалов, также рукописные источники: письма К. П. Победоносцева к разным лицам, материалы архива Феоктистова (его переписка, дневники), архивные дела и т. д.